ЛАРИСА

СОБОЛЕВА

ТРИ ГРАЦИИ НА ОБОЧИНЕ

ОНА ВСЕГДА С ТОБОЙ

ТАМ, ГДЕ НАСТОЯЩЕЕ ПЕРЕПЛЕТАЕТСЯ С ПРОШЛЫМ, – ВОЗМОЖНЫ НЕОЖИДАННЫЕ ПОВОРОТЫ СУДЬБЫ

Лариса Павловна Соболева

Три грации на обочине

Серия «Она всегда с тобой»

Серия «Павел Терехов», книга 1

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55614681
Три грации на обочине: АСТ; Москва; 2020
ISBN 978-5-17-120974-2

Аннотация

У людей налажена жизнь, плоха она или хороша – это их жизнь, они сами управляют ею. И вдруг в эту жизнь врывается беда, она приходит со стороны и разрушает любовно созданный мир.

На этом фоне проявляются лучшие и худшие качества тех, кого беда перемолола.

Пустырь за городом становится молчаливым свидетелем странных преступлений. Недалеко от проезжей дороги находят молоденьких девушек абсолютно обнаженными. На их телах почти нет следов насилия, а те, что есть, не могут однозначно сказать, это убийство или что-то другое.

Кто их выбросил на пустырь, зачем, почему надежно не спрятали тела, почему преступники не боятся наказания?

Поисками ответов на эти вопросы занимаются следователь Терехов и оперативник Феликс. Но им не удается остаться над событиями, девушки с пустыря затягивают их в свою орбиту.

Содержание

Часть первая 7
Девушка-никто 7
Два с половиной часа спустя… 12
Павел бегал каждое утро при любой погоде 25
Лилия, пряча улыбку, наблюдала за Дашей 34
У, солнце… У, подлое… Не дало поспать! 42
Перед уходом Лилия склонилась над трупом 50
Он начал собираться, когда она еще спала 56
Очередной раз Павел вернулся к снимкам девушки 62
После душа Тамара расчесывала волосы перед зеркалом 74
Феликс пальцами обеих рук массировал голову 81
Часть вторая 88
«Что в имени тебе моем?» – «Все!» 88
Тамара замедлила бег, оглянулась и рассмеялась 97
Костюмы делали из подручных средств, увлеклись 106
Поставив кейс на стол в кабинете, Павел сел на стул 115
После звонка Насти Ласкин засобирался, 121

засуетился

Конец ознакомительного фрагмента.

Лариса Соболева
Три грации на обочине

© Соболева Л., 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Часть первая

Девушка-никто

На утренней заре низина выглядела фантастически. Земля здесь неровная, бугристая, изрезанная глубокими трещинами, в которых этим ранним утром клубились лохмотья тумана. Выбираясь на волю из расщелин, туманные сгустки осторожно, будто охотясь, ползли по земле, остывшей за ночь, неожиданно замирали в воздухе и медленно таяли. Между ними выступали горбатые островки, заросшие сухостоем, но и эти пятна, выжженные прошедшим летним зноем, то исчезали в белом сумраке, то через некоторое время выныривали вновь.

Все это молчаливое действо подсвечивало малиновое солнце, отчего и сухостой, и новая поросль, жаждавшая пробиться к жизни, казались нарисованными кистью художника с буйной фантазией, склонного к мистицизму. Точно! Пейзаж мистический… таинственный и… жутковатый…

И совсем непонятно: как на таком огромном пространстве в белом сумраке тумана гражданин Ласкин (абсолютно трезвый, что случалось с ним редко) умудрился набрести на обнаженную девицу. Пространства здесь – ого сколько: хоть вправо, хоть влево, хоть по всем диагоналям и прямым ли-

ниям, а Ласкин, словно по указке компаса, шел точно на тело. Нет, в самом деле, не обходить же пустырь – это ж какой крюк надо делать! В общем, идти по бездорожью заставила мать всех пороков – лень.

А может, не обошлось без нечистой силы? Ведь почему-то Ласкин вышел из маршрутки именно в этом месте, а не чуть раньше или чуть позже. Почему-то не торопился, как обычно, к припрятанной дома бутылочке промочить пересохшее горло и крепко заснуть после ночной смены абсолютно счастливым. Не иначе бесы подшутили над ним, заманив к девчонке.

Главное, сначала, выйдя из маршрутки, он закурил, постоял… А надо было идти, авось прошел бы мимо и не заметил… Да что теперь говорить! Ласкин ждал, когда рассвет наберет силу, заодно свежий утренний воздух, насыщенный по-осеннему влажной прохладой, развеет сонливость, чтобы смело пуститься в путь через овражки и ухабы. А не сломать шею, угодив в глубокую расщелину. Кто его здесь найдет? Да и люди здесь вообще не ходят, кроме тех, кто живет в поселке, ставшем недавно городом. Ага, вот так: раз – и всех сделали городскими по указу.

В общем, когда наконец посветлело, Ласкин сбежал с трассы в низину и двинул прямиком к своему поселку – к новому микрорайону, куда городской транспорт не ходит – одни маршрутки и только днем. Обещают пустить автобусы с троллейбусами, да чего только не обещают городские вла-

сти! А пока круглосуточно те же маршрутки бегают лишь в богатый поселок, это в другой стороне. Ласкин тронулся в путь через пустырь.

И вдруг… она! На бугорке. Юная дева лежала от трассы метрах в пятистах, может, больше. Ласкин опешил. Да, простой мужичок Ласкин, переставший считать свои года, высохший, словно стебелек из гербария, встал как вкопанный, растопырив крошечные глазенки, глубоко запавшие в глазницы. Потому что обалдел! Это ж какая красота перед ним в натуральном виде…

Она возлежала на боку, как Венера на старинных полотнах – обнаженная, белотелая, вылепленная из лучшего материала талантливой рукой. И будто плыла по белому морю на маленьком плоту, да нечаянно уснула. Казалось, сейчас откроет глаза и проведет ладонью по каштановым волосам, на которых то ли блестки чуть заметно сверкали, то ли роса ловила малиновое солнце.

Да уж, проснется и встрепенется, испугавшись. Потому что увидит вблизи препоганую рожу с распахнутым ртом, в котором нет половины зубов, а те, что есть – лучше не показывать.

Ее укрыл туман, и Ласкин перевел дух, решив: ему все привиделось. Говорят же: те, кто регулярно принимает по пол-литра в день, умом слабеют, им черт-те что мерещится, типа галюники приходят. Ласкин и подумал про себя: «Допился! Белка, что ли, припала ко мне?»

А тут туман задышал, словно живой, то закрывая, то открывая части юного тела, подсвеченного всеми оттенками радостного утреннего солнца.

Однако! В голову вдруг стукнуло: а что это она тут разлеглась голая? Да и вообще, к женским прелестям он давно охладел, так что теперь юная Венера не заставила Ласкина задержаться еще на минуту, чтобы коснуться взглядом упругого тела и полюбоваться игрой света и тени на безупречной коже. Нет, больше она не вызвала в нем ни восторга, ни тем более похоти – какое там!

Едва он понял, что вовсе это не девица, а заурядный труп, окруженный дышащим молочным облаком, Ласкин мгновенно развернулся и дунул назад со всех ног, спотыкаясь, падая и от души матерясь. Крепкие словечки не несли смысла, никому не предназначались, это был выплеск ужаса. Слишком необычна находка для безлюдного места за городом, где в этот час встретить можно разве что сатану.

Вместо того чтобы оставить мертвую девицу на совесть следующего лентяя, решившего идти напрямик через пустырь, Ласкин, выбравшись на трассу, набрал номер полиции на мобильном и завопил в трубку:

– Едьте сюда! Я здеся стою… Где? А, да-да-да… Это, я сразу за «мостом» стою один… За городом. На дороге к Луговому… А потому что труп тут! Потому и стою… Да! Тут женский труп лежит себе… раздетый, между прочим!.. Ну, как раздетый… – озадачился насмерть перепуганный Лас-

кин. – Ну, до совсем… Тю, блин! Голая она, голая! Вам говоришь культурно, а вы никак, да?.. Я нашел ее… Девкин труп тут лежит – скока тебе повторять?.. Ну, конечно, труп убитый!.. Откуда я знаю, кем убитый! Я шо – смотрел, когда ее… (Ласкин стал не на шутку злиться.) Да с работы я шел через пустырь, с работы! А она лежит… Не, ты скажи: вы приедете? Или мне как?.. Жду! На трассе буду стоять, встречу… В чем одет? Так это, кепка у меня… Че ты ржешь? Я один стою, не ошибешься!

Его даже не осенило после звонка срочно дезертировать, что доказывает полнейшее отсутствие серого вещества в котелке. Нет, Вова Ласкин честный товарищ и ответственный, он ждал оперативную группу, выкуривая от волнения по сигарете без фильтра каждые десять минут.

Два с половиной часа спустя…

– Почему вы решили, что она труп, если толком не разглядели девушку? – поинтересовался следователь Павел Терехов.

Как он молод, высок… Положим, Ласкин тоже не короткий, правда, теперь похож на крючок, так ведь жизнь согнула. Однако таких широких плеч никогда не имел Владимир (а по-простому Вова) Ласкин, не имел и костюмов с галстуками, да ни хрена хорошего в его жизни не было. Этот пацан белобрысый с дурацкими ушами по фамилии Терехов не вписывался в его представления о следователях. Не бывает важных людей с оттопыренными ушами, не бы-ва-ет. Тем не менее молодой человек смазливой наружности, в отутюженных брюках, в добротном рябом пиджаке, в галстуке под тугим воротничком, весь чистенький-чистенький представился следователем. К тому же ищейки, которые расползлись по низине, сунув носы в землю, его слушаются – как тут не верить?

Услышав вопрос, Ласкин подумал, что недаром бытует в народе: представитель органов есть твой злейший враг, а с врагом дел не заводят умные люди. Забыл он эту древнюю истину. Спрашивается: зачем было звонить в полицию? Себе же дороже вышло! Мало того, что прождал сытые морды почти час, переживая за убитую – жалко ведь ее, она та-

кая молоденькая. Потом ждал, когда менты насмотрятся на девчонку, наползаются вокруг. Теперь вот допрашивать его принялись!

А в животе у Ласкина кишки государственный переворот устроили, просто в узел завязались, грозя хозяину верной смертью, не ел-то он со вчерашнего вечера. И выпить хотелось, ох, как хотелось принять так грамм сто-двести… триста! Главное, сбегал бы за шкаликом – было бы куда! А некуда, первый магазин с выпивкой черт-те где! Да и денег не особо… А дома бутылочка чистейшего, как слеза младенца, самогона в тайничке!

За время невеселых раздумий Ласкина следователю Терехову показалось, свидетель не расслышал его, Павел повернулся к нему и повторил:

– Почему вы решили, что она труп? По каким признакам?

Странный вопрос, тем не менее помятая, в складках, как у шарпея, физиономия Ласкина напряглась. И под глазом задергалась жилка, будто там червячок кончался в предсмертных судорогах. Конечно, он занервничал, под кепкой закопошились остатки рабочих извилин, но их было слишком мало. Мало, чтобы на простейший вопрос ответить так же незамысловато! Натруженными пальцами с черноземом под ногтями, между которыми дымилась дешевая сигарета, Ласкин утер нос и виновато пролепетал:

– Это не я. Не я ее… честно.

– Не вы, не вы, – успокоил свидетеля Терехов. – Я знаю.

– А че тогда такой вопрос кидать? – недоверчиво буркнул тот.

Непроизвольно Терехов вскинул брови, но как тут не поразиться логике человека, который никак не тянет на мыслящее существо? А вопрос следователя не был хитро выстроенной ловушкой, вырвался нечаянно – так, мысль вслух.

– Спрашиваю потому, – миролюбиво объяснил следователь, – что в данном случае определить за секунды насильственную смерть под силу только крайне наблюдательному и сообразительному человеку.

Терехов, в общем-то, сделал комплимент, и Ласкин, успокоившись, что в душегубы его не зачислили, раздулся от важности и хмыкнул, пожав плечами:

– А че тут соображать? Лежит раздетая, так? Чего она лежит, за городом-то? И холодно… в смысле… ночью холодно, а девка без всего. Выходит, не сама разделась, не сама разлеглась, так? А раз не сама, то ее… ну, ты понял, да? И выкинули сюда.

– Павел! – позвала следователя Ольга Коноплева.

Извинившись, что приятно поразило Ласкина (начальствующий народ нынче не шибко вежливый), Терехов спустился с бугорка, перешагнул через расщелину и очутился рядом с Олей, сидевшей у трупа девушки на раскладном стульчике.

При определенных манипуляциях с косметикой Ольга смотрелась бы красоткой, на маловыразительном лице мож-

но нарисовать все что угодно, но! Двадцатидевятилетняя Оля женщина властная, с характером, энергии в ней через край, что отталкивало от нее прежде всего мужчин. Не удивительно – превыше всего подобные дамы ставят собственные интересы и карьеру, а любому человеку хочется тепла, ласки, заботы. Впрочем, поток сознания, захватывающий Павла по тому или иному поводу, сейчас не имел отношения к делу.

Его тень упала на тело жертвы, к тому времени ее изрядно поворочали, осматривая. Солнце взошло высоко, отчего пропал романтический ореол, спящей богиней на плоту девушка больше не казалась. Наверняка при жизни она и была богиней, нравилась мужчинам всех возрастов, хотя на данный момент трудно об этом судить, так как смерть меняет человека с первых же минут. И как меняет! Стали отчетливо видны следы кровоподтеков на запястьях и щиколотках, кожа приобрела характерный восковой оттенок, черты лица слегка расплылись и на глазах теряли привлекательность.

– Что скажешь? – обратился Терехов к Ольге: позвать позвала, а сама сидит, копаясь в кейсе, будто не видит, что он подошел.

Она поднялась, потирая поясницу, будто старая бабка – какая показуха, мол, тружусь-горю на работе:

– Следы насилия ты видишь и без меня, но это не одно и то же с насильственной смертью.

– То есть?

– Связанные руки и ноги не могли стать причиной смерти. Не исключено, что она практиковала садомазохистский секс, ей связывали руки и ноги. Это сейчас в ходу, а возраст идеально подходит для сексуальных игрищ, как говорится, при отсутствии интеллекта телом управляют гормоны с инстинктами.

За вполне разумным объяснением Павел разглядел и рисовку: Оленька старалась понравиться ему, да не тот метод избрала, он любитель простоты, понятности, открытости, душевности. Но это тоже к делу не относится, Терехов поймал себя на мысли, что постоянно отвлекается, и вернулся к трупу:

– С чего сделан вывод, будто у нее отсутствует интеллект? Я вот не могу определить: умной, начитанной, образованной она была или дурой. И садо-мазо… сомневаюсь. В этом возрасте хочется настоящих страстей и чувств.

– А я не утверждаю, – улыбнулась Оля. – Я предполагаю. Молодым, может, и хочется настоящих чувств, но старичкам подавай кайенского перца в сексе и юных дев без всяких там чувств, кроме похоти. Девы идут на все условия, чтобы заработать, прости, но заработок подобного рода у меня лично не соотносится с интеллектом.

– И все же, Оля, что тебя натолкнуло на подобные мысли?

– Сам посмотри: на теле нет кровоподтеков, которые обычно указывают на борьбу, ведь нет же. Только на запястьях и щиколотках, к тому же аккуратные. Отсюда и вывод:

девушка дала себя привязать, а в процессе игры типа сопротивлялась – по желанию клиента. Не убедила?

– Вполне, – кивнул Павел. Собственно, возразить ему пока нечем.

– Между прочим, я позвала тебя, чтобы сказать: труп можно увозить.

– Значит, секс был, – подытожил Терехов.

– Полагаю, был, точно скажу после исследования этого прекрасного тела. А признаков убийства…

Не договорив, Ольга развела руками в стороны – жест красноречивее слов, однако Терехову этого мало:

– Но хотя бы примерно можешь сказать…

– Не могу, – не дослушала она. – Вот посмотрю, что у нее внутри, изучу каждый сантиметр и, может быть (!), станет ясно – убийство это или недоразумение. Кстати, умерла она часа три назад, не больше.

– Шутишь? – не верилось Терехову. – Мы здесь уже два с половиной часа! Ее что, привезли сюда живой?

Оля сняла латексные перчатки, вынула из пачки сигарету и остановила взгляд бледно-голубых, почти бесцветных глаз на трупе. Самое примечательное в облике Оли – глаза и неестественно белоснежная, словно ее никогда не касались солнечные лучи, кожа. Но что это с ней? Взгляд Оленьки стал туманным, на лицо легла призывно-сексуальная тень…

О чем это говорит? Ему – ни о чем. Во всяком случае, Олины флюиды до Павла не долетали, даже если он нахо-

дился на расстоянии вытянутой руки, как сейчас, но ощущать – ощущал их. Разумом. Вот такие дела. Павел сам пока не определился, какие женщины ему нравятся: все симпатичные, при этом – никто конкретно.

Прикинуться шлангом – самый подходящий прием, и Павел отвел взгляд, будто ничего не заметил. Ольге только и оставалось вернуться к своим прямым обязанностям; небрежно указав на Ласкина, она начала:

– Когда ее нашел тот бомж…

– Он не бомж. – Не любил Павел высокомерия ни по отношению к себе, ни по отношению к другим. – У него есть паспорт, прописка и работа.

– Ну, алкаш – какая разница?

– Между прочим, он мог убежать, но Ласкин позвонил в полицию.

– Ласкин? – приподняла брови Оля. – Симпатичная фамилия.

– Он тоже. Ну, так что насчет «умерла три часа назад»?

– Приблизительно! – уточнила Ольга, закуривая. – Когда этот… э… Ласкин нашел ее, она либо еще дышала, либо только-только умерла. Я сужу по температуре тела и температуре окружающей среды, вычисляется средний показатель времени, за которое остывает тело, что мы сделали сразу, когда приехали. Она не остыла, но реанимировать было поздно, начались необратимые процессы. Далее. Ниже ягодицы есть свежая царапина с запекшейся кровью, а в коже застря-

ла небольшая колючка от растения, оно произрастает здесь в неисчислимом количестве. Вот, вот и вот…

Ольга показала растения с фигурными колючками, возможно, это листья, ссохшиеся до колючек, Павел с флорой не дружил, отличить мог только клен и дуб. Эти растения оплели желтые и оранжевые нити повилики, в народе говорят, повилика душит растительность насмерть. Кстати, с этим «душителем» он тоже знаком, мама как-то купила на рынке цветок в горшке, потом спасала его от этих «ниток», которые неизвестно откуда брались.

– На ступни ее взгляни, – подсказала Ольга.

Терехов присел, надеясь заметить вблизи мелкие детали, как Оля заметила царапину, и по ним выстроить приблизительную картину происшествия. А ноги у трупа – залюбуешься: безупречной формы, кожа гладкая, с неброским золотистым загаром, аккуратным педикюром. И все.

– Посмотри, какие чистенькие у нее пяточки, – заговорила над ухом Терехова Ольга. – Как из баньки.

– Если б она шла сама, ступни были бы грязные, – согласился он, про себя рассыпавшись в благодарностях ей за подсказку.

– И на ногах было бы больше царапин, по всей длине ног, колючек-то здесь целое море.

– Ее принесли сюда. Иначе и быть не может, в обнаженном виде не бегают по полям в одиночестве.

– Когда несли, она была жива, о чем говорит характерная

царапина на бедре. Капля крови стекла не по ноге, а по бедру – жива она была, Павел, жива. Несли двое, по всей вероятности.

– Значит, живую бросили на этом пустыре…

– Остальное расскажу после вскрытия. Эй, ребята! – подозвала Оля полицейских. – Забирайте девочку.

Терехов осматривал землю в надежде заметить то, чего ни Ольга, ни полицейские не увидели. Ненароком его взгляд попал на жалкую фигуру, стоявшую неподалеку, и встретился с глазами Ласкина, о нем он совсем забыл. Бывает, совершенно посторонний и далеко не умный человек вдруг подкидывает ценную мысль, поэтому Терехов решил продолжить диалог с мужичком.

– А с чего вы решили, что ее выкинули? – спросил Терехов.

Ласкин ухмыльнулся, дивясь бестолковости Терехова и не понимая, как тому доверили следовательскую работу. Он же молокосос лет тридцати! Ну, может быть, тридцати с хвостиком, а может, и до трех десятков не дотянул – какой из него следак?

– Пф-пф-пф… – затрясся Ласкин, смеясь, следом закашлялся хрипло-сиплым кашлем безнадежно отравленного никотином и смолами курильщика. – Ну, глянь сам: одежка ее где? Нету? Значит, разделась она в другом месте, так? Если б просто умерла, не валялась бы здесь бесхозная, ей вызвали бы «Скорую», так? А раз привезли сюда, значит?.. Пра-

вильно: скрыть чего-то хотели. Ну, сам подумай: что скрывают? А может и так: она больная какая, а ночью с пацаном миловалась-целовалась ну и нечаянно померла. Случаев таких полно, у нас вон один мужик зажиточный с бабой в посадке… кхе-хе… так и помер. С бабами, пардон, девушками тоже такое случается, вам же потом не докажешь, что сама ласты склеила. Вот и решил пацан по молодости и неопытности привезти девку до сюда.

– Здорово, – похвалил рассуждения Терехов без малейшей иронии. – Вспомните, вы ничего здесь не заметили?

– В каком смысле?

– Например, людей… автомобиль, стоявший где-нибудь… м… на обочине? У проезжей части. Может, еще что-то привлекло ваше внимание?

– Не. Че тут, елы-палы, привлечет-то?! Я слез с автобуса… а было еще темно… Ну, покурил. Здесь никого не было – не-не. Редкая машина проезжала. Не, я б увидел, если б тут были… Вот что-что, а зрение у меня – дай бог каждому.

Во время диалога Ласкин шмыгал носом, похожим на приплюснутую картофелину, переминался с ноги на ногу, подергивал плечами и трогал большим пальцем небритый подбородок, будто тот у него постоянно чесался. При всем при том суетливым его Терехов не назвал бы, Ласкин (по всем признакам забулдыга) производил впечатление старого сарая, в котором чего только не накопилось за долгие годы, причем все нужное, хоть и старье.

К этому времени вернулся криминалист Огнев, изучивший расстояние от трассы до местонахождения трупа; прищелкнув языком, он отрицательно покачал головой. Так, ничего. То есть улик – никаких. Видя разочарование на лице Терехова, которому не всегда удавалось сохранять маску невозмутимости, Огнев, эксперт с двадцатилетним стажем и жутко нудный, забрюзжал:

– Какие тут следы, Паша? Земля сухая – дождей давно не было. Туман по утрам только в низинах, ночи уже холодные, а днем теплынь. Это всего лишь конденсат на стыке тепла и холода, от него земля мокрой не становится.

Задумавшись, Терехов опустил голову, глаза его уткнулись в сухую и растрескавшуюся землю, жаждущую воды, и тем не менее! Неизвестно каким образом из-под сухостоя росли вполне «упитанные» сорняки, возможно, они напитались соками погибших растений, ведь жизнь всегда найдет способ сохранить себя. Терехов сдвинул носки начищенных до блеска туфель в стороны – конечно, следа от них не осталось.

Итак, девушку принесли. Впрочем, это мог сделать и один мужчина. Только при условии, что он мощного телосложения и хорошо натренирован, стало быть, способен пронести бессознательное тело слегка пухленькой молодой особы. В любом случае вес увеличился вдвое, а отпечатков ног нет.

– Слышь… – раздался за спиной голос Ласкина. – Я это… пойду, а? Жрать охота, я ж с ночной.

– Да-да, идите, – разрешил Павел. – Адрес и телефон оставьте.

– Уже оставил, – отмахнулся Ласкин, уходя.

Идти напрямик через низину он не решился – вдруг еще один труп встретится, тогда и сам Ласкин точно помрет с голодухи.

Минут пять спустя Терехов сел в машину, включил зажигание и сидел, не трогаясь с места, пока полицейский эскорт не двинул к городу. Настроение у него было мрачноватое, пессимистичное. Это его первое серьезное дело в качестве следователя, и началось оно… с минора.

А ведь Ласкин в силу житейской мудрости подкинул ценную мысль: девушку привезли, чтобы нечто скрыть, с ее смертью что-то должно исчезнуть навсегда. И наверняка исчезло. Конечно, Павел сам догадался бы, но чуть позже, а на сегодняшний день любые мысли, даже проясняющие, бесполезны.

Это миф, когда утверждают, будто нет преступников, которые не оставляют на месте преступления хотя бы один след. Ничего подобного! Найденную девицу сразу можно отправить в висяки: ни следов, ни улик, ни документов, да вообще при ней и вокруг не найдено ничего, даже чулка. Вот уж точно: какой пришла в этот мир, такой и ушла – нагой. Конечно, если в полицию поступит заявление о пропаже и удастся установить личность убитой, то – может быть, что-нибудь да сложится. Остается ждать.

К сожалению, зарекомендовать себя с профессиональной стороны у Павла не было случая, он недавно приступил к обязанностям. За три месяца в должности следователя ему не попадали ни дела по убийствам, ни, как сейчас – загадочные смерти юных девушек, найденных за городом.

Впрочем, один жмурик был. Павел приехал на железнодорожный вокзал, прямо на пешеходном тротуаре лежало сине-лиловое месиво с ножом в груди. В первую очередь в глаза бросались руки бомжа: локтями опираясь о тротуар, они были приподняты над телом, кисти странно вывернуты, словно бомж, будучи еще живым, ловил жизнь пальцами, да так и умер, не поймав. Прохожие обходили труп, словно на их пути лежало трухлявое бревно, на их лицах не было ни брезгливости, ни жалости. Кто зарезал бомжа? Наверняка свои. И попробуй найти тех, кто не числится среди людей, их же не существует в общепринятом смысле.

И вот снова невезуха: девчонка… Собственно, к пессимизму Терехов не склонен, даже если висяк светит, а такое реально, надо работать.

Павел бегал каждое утро при любой погоде

Он вовсе не принуждал себя, пробежки тоже своего рода зона комфорта. «Дикие» дорожки в парке, высокие деревья, образующие переплетенными кронами живые арки, пустые скамейки, щебет птиц – идеальное начало для настроя на день грядущий. В ранний час в парке никого не бывает, впрочем, любители спорта с наушниками в ушах иногда попадаются, только в подавляющем большинстве это извечно начинающие. Начать – да запросто! Но редко кто начинание превращает в привычку.

А еще в этом парке прогуливалась по дорожкам *она* (имени Павел не знал), неизменно сосредоточенная на своих мыслях, по-книжному загадочная. Ее угольно-черный (под цвет волос хозяйки) английский кокер-спаниель носился по зарослям со скоростью торпеды, собирая колючки репейников.

Сорняков здесь море, парк не ухожен, но тем и привлекателен, что создает иллюзию удаленности от города. Дорожки время о времени метут, скамейки с урнами поставили, но привычных аттракционов и кафе нет. Это была окраина города, последнее время она стремительно застраивалась жилыми комплексами, поглощая признаки пригорода.

Павел в течение трех месяцев встречал молодую женщи-

ну, но впервые они поздоровались лишь дней десять назад по его инициативе. Однажды на бегу он поприветствовал ее, она ответила вежливым кивком, так и продолжили. Терехов и не думал о флирте, после неудачного брака по молодости и глупости считал, что отношения должны развиваться осознанно, а не под действием взбесившихся гормонов – убийц разума.

Чем же привлекла его дама с собачкой? Грустью. Интересно стало: почему молодая, ухоженная, дорого одетая, очень милая женщина с поступью царицы постоянно грустит? О чем? Эти мысли мелькали попутно, не вызывая особых эмоций, Терехов следователь, ему поневоле положено читать души людей, так что каждый человек для него – учебник.

Как правило, она шла навстречу, бывало, он догонял ее, сегодня же, пробежав целый круг по периметру парка, Павел не заметил ни собаки, ни хозяйки. Терехов побежал на второй круг, изменив маршрут, и в укромном уголке на скамейке увидел незнакомку, ставшую неотъемлемой частью его пробежек.

О, как она сидела! Сама поза – ничего особенного, каждый может сидеть нога на ногу, забросив руку на спинку скамьи, но графичность, изящные изломы в теле практически не встречаются. И печальное лицо, отрешенный взгляд – Павлу сразу, с первой встречи, вспомнился образ Маргариты из романа Булгакова. Верно, похожа на Маргариту – дьявольской тоской похожа.

Он хотел поздороваться и пробежать мимо, но тут собака по кличке Грета подлетела к нему, виляя обрубком хвоста и вывалив на сторону язык от радости. Псина признала в нем знакомого, который тоже любит побегать, и поздоровалась первой, пришлось ему остановиться, присесть и погладить шуструю девчонку, облепленную колючками репейника.

– Грета… – вяло позвала хозяйка. – Ко мне, глупая.

Ну да, Грета так и послушалась. Она поставила обе лапы на колено Терехова, испачкав белые спортивные брюки, и весело тявкнула, Павел по-своему перевел лай:

– Ваша собака просит освободить ее от репейников. – Подхватив непослушную Грету, он приземлил ее у ног хозяйки. – Смотрите, уши облеплены, как сережками, индийская махарани, а не Грета.

Женщина наклонилась к собаке, тонкими пальцами с коротко и аккуратно подстриженными ногтями отсоединяла от длинных ушей круглые липкие колючки, Терехов освобождал второе ухо, вот и настал момент, когда не назвать себя просто неприлично:

– Меня зовут Павел, а вас?

– Тамара, – ответила она с подкупающей простотой в голосе.

Вблизи он рассмотрел ее лицо с высокими скулами и ровным тонким носом, большими аметистовыми глазами и совсем небольшим ртом. Черты непропорциональны, но ведь не редкость, когда идеальные пропорции создают заурядную

физиономию, чего не скажешь о Тамаре. Красавица? Может быть… как говорится, дело вкуса. А какие брови – яркие, дугой, в меру широкие и тонкие у висков. Это что касается лица, а фигура у Тамары модельная, одним словом – тощевата. Однако молчать неловко, Терехов решился завязать диалог:

– У вашей Греты неправильная порода, она собака-радость. Смотрите, меня встретила, будто в прошлом я был ее хозяином.

– Да, она очень живая и приветливая, – согласилась Тамара, выпрямляясь. – Идем, Грета? Нам пора домой.

Терехов трусцой побежал рядом, это больше напоминало бег на месте, так как новая знакомая шла неторопливо, словно не хотелось ей возвращаться в унылый дом. Неожиданно познакомившись с ней, потомственный интеллигент с врожденным чувством такта, не привыкший лезть в чужие души, тем более топтаться там, переступил через собственные правила исключительно ради любопытства:

– Кто вы, прекрасная незнакомка?

– Хм, какой высокий штиль, – проговорила без улыбки Тамара, но она совсем не бука, на контакт пошла охотно. – Я никто.

– Так не бывает.

– Бывает. А что вас интересует, когда вы спросили – кто я? Моя личная жизнь, профессия, увлечения?

– Все. Я встречаю вас каждый день одну… м… с Гретой. И с грустью. Для меня вы стали живой частью этого парка,

этого неба, этих деревьев, а когда вас не вижу – чего-то не хватает. Я серьезно. Но меня так и подмывало спросить… Вам нужна помощь?

Тамара остановилась и, повернувшись к нему лицом, с минуту (а это целых шестьдесят секунд) смотрела в упор на Терехова, который с улыбкой бежал на месте, не теряя зря времени. Она не была удивлена, разве что немного озадачена. К его пробежкам Тамара тоже привыкла с одной только разницей – ее не интересовало, кто он, к тому же: уж что-что, а помощь Павлу точно не нужна. Однако пауза затянулась до неприличия, нехотя Тамара рассказала о себе, уложившись в одну-единственную фразу:

– Я нигде не работаю, замужем, хобби у меня нет, но есть дочь. – Потом из вежливости поинтересовалась: – А вы кто? Чем занимаетесь?

– М-м-м… юриспруденцией.

Ответ уклончив, и Тамара это отметила, настаивать на подробностях не стала, по всей вероятности новый знакомый интересовал ее не больше, чем утренние туманы ранней осенью. Так и он не собирался жениться на ней, но перекинуться парой слов в парке с приятной женщиной, выпадающей из средней статистики, – что в этом дурного? Между прочим! Их объединяет кое-что общее: Тамара гуляет с Гретой при любой погоде, во всяком случае, дождь ей не помеха, Павел бегает – хоть дождь, хоть град, хоть пурга, так что есть о чем поговорить.

Сейчас время разъединения, подавляющая часть горожан испытывает острый дефицит общения, но почему-то люди не находят путей друг к другу, чтобы просто потрепаться о той же погоде и последних новостях. Этого вполне достаточно для подмены одиночества иллюзией дружбы. Терехов из общей массы не являлся исключением, ему тридцать один, а вокруг вакуум, старые друзья разлетелись кто куда, ведь мест на земле необозримое множество, новые не припали к сердцу. Да и выбирать уже сложно, так как планка максимально завышена, потому и выбор ограничен, а в данном случае – никаких претензий, обязательств, связей.

– У вас проблемы? – прервала ход его мыслей Тамара с едва заметной усмешкой и вернула ему фразу: – Могу ли я вам чем-нибудь помочь?

– Конечно, можете, – улыбнулся он на все тридцать два, не тронутых стоматологом. – Приходите сюда каждый день, гуляйте и не меняйте маршрута.

– Вы, наверное, не расслышали… я замужем.

Она неправильно поняла, но он не стал смеяться, только заверил:

– У меня отличный слух, выше среднего! И даже музыкальный.

Словно сомневаясь в его слухе, одновременно желая удостовериться, что задней мысли у Павла нет и приставания молодого человека всего-навсего от скуки, Тамара, неторопливо идя к выходу, снова уставилась на него. Выглядел он

довольно искренним, обычно в глазах ловеласа дрожит особый блеск – хитроватый и голодный. В конце концов, границы Тамара обозначила, нарушать их не позволит, теперь можно в свою очередь поинтересоваться исключительно из вежливости:

– Тогда и вы расскажите… Я здесь гуляю с Гретой уже три года, но до нынешнего лета вас не встречала. Вы нездешний, да?

– Разумеется, нет. В этом городе я родился, ходил в детский сад, потом с мамой уехал, учился, женился, развелся, работаю. До недавнего времени работал далековато, а чуть больше трех месяцев назад вернулся – отец умер и оставил нам с мамой большую квартиру, гараж, машину, дачу…

– Простите, я не знала…

– Конечно, не знали, вот и не стоит огорчаться, тем более извиняться.

Он слишком беспечно упомянул отца, что не могло не удивить, вероятно, у него есть на то свои причины, углубляться в которые Тамаре незачем. Метров десять она шла молча, думая о чем-то своем, Павел также молча трусил рядом, набегавшаяся Грета плелась сзади, подметая длинными ушами асфальтовую дорожку. Но вот Тамара, кутаясь в пушистую кофту нежного цвета сирени, заговорила, но как бы сама с собой:

– Мое огорчение вызвано личными воспоминаниями. Папа ушел… навсегда ушел… когда мне было восемь лет, но я

хорошо помню его, он меня очень любил, а любовь запоминается навсегда. Новый мамин муж был ученым, изучал что-то связанное с бытом диких племен, оба уехали в Южную Америку. Мама звонила, писала, а потом они пропали. Бабушка боялась умереть и оставить меня одну, пыталась найти ее, но… Они поехали не с российской экспедицией, это была сборная со всего мира, что с ними стало – неизвестно. Надеюсь, живы и вернулись, просто не знают, где меня искать. Я забыла, как выглядела моя мать, будто она ушла насовсем за папой. А ваша мама с вами, вам очень повезло.

– Еще как повезло! Я же типичный маменькин сынок.

С юмором у Тамары напряженка, потому его шутку она оставила без реакции, но заметила:

– Не похожи вы на маменькиного сынка.

– Вы на домохозяйку тоже не похожи.

– Серьезно? А на кого?

– Ну… по меньшей мере на герцогиню! Или балерину.

После этой фразы Тамара снова остановилась, полностью повернувшись к нему, на этот раз с большим интересом изучала Павла, даже бровь приподняла. Непонятно, что ее изумило или заинтересовало в нем, к этому времени они вышли из парка, пора было расставаться.

– Должен вас покинуть, мне на работу, – сказал он. – До встречи?

– Всего вам доброго, – попрощалась Тамара, защелкивая карабин поводка на ошейнике Греты.

Когда выпрямилась, вдали увидела лишь спину нового знакомого, он бежал в сторону ее дома, значит, им по пути. Тамара зашагала домой в быстром темпе, рассуждая про себя: что означают эти слова – по пути, и почему они пришли на ум, когда есть другие – по дороге, в одну сторону? Однако разницы между ними нет… или есть?

Лилия, пряча улыбку, наблюдала за Дашей

Та возила вилкой по тарелке, а какая задумчивая… М-да, в семнадцать есть о чем задуматься, жизнь-то тяжела, сплошные камни под ногами. Незнакомые люди принимали их за сестер и – да, мать с дочерью удивительно похожи, издалека так и вовсе как две капли воды – рост и фигуры одинаковые, обе синеглазые блондинки, хорошенькие. Да разве это главное? Красота без внутреннего света малопривлекательна, холодная и пустая, а мать с дочерью притягивали глаз очарованием, которое встречается лишь у душевных и открытых людей. Озабоченный вид дочери в конце концов вызвал смех, но Лиля не позволила себе рассмеяться, а закусила губу и напомнила строгой интонацией:

– Вообще-то, некоторым в институт пора. Дарья, ты случайно не знаешь, кому именно?

Даша подняла скучные глазенки на мать и снова опустила их в тарелку, через паузу соизволила вяло вымолвить:

– Пойду ко второй паре…

– Что? – грозно свела брови Лилия, тут уж точно не до смеха. – Ты только поступила! На первый курс! И уже отлыниваешь от лекций?!

– Кто отлынивает? – появился на кухне отец-муж в халате, вытирая шею полотенцем. – Моя жена сердита, значит…

– Твоя дочь не идет на первую пару! – наябедничала жена.

Когда Даша совершает проступок и эта вселенская катастрофа обсуждается в семье, Лилия называет ее исключительно «твоя дочь», будто не имеет к девочке никакого отношения. Улыбчивый Борис Борисович, производивший абсолютно на всех впечатление добряка-волшебника (а это так и есть), наклонился к жене. Лиля не сводила гневных глаз с дочери, кто-то же должен быть в доме немножко тираном, чтобы не расслаблялись, он поцеловал жену в щеку, дабы смягчить. В отличие от Лили Боря не воспринимал шалости катастрофами, подойдя к дочери, обнял Дашку за плечики, чмокнул в голову и заглянул ей в лицо:

– Малышка, ты прогульщица? Ай-ай-ай…

– Боря! – вспылила Лиля. – Этот твой тон… шутливый… ну, совсем не к месту, совсем! Мы ей – репетиторов, кучу денег угрохали, бегали с ней на экзамены, хлопотали, чтобы на бюджет продвинуть, а она…

– Чш… чш… – сжал ее кисть Борис Борисович, потом обратился к дочери: – Малышка, ты не права.

– Папа! – Дочь отодвинула тарелку и, подперев скулу кулаком, уставилась в окно. – Не надо из мухи делать слона, я не иду всего лишь на физкультуру. Почти везде отменили эту… физру дурацкую! А у нас – мучайся два раза в неделю.

– Физкультура, – начал он, усаживаясь на стул, – необходима смартфонному поколению, иначе вы просто вымрете. Видела, как изображают инопланетян? Головы большие,

ушей нет, глаза, как фонари, тощие, на руках всего три пальца…

– Это фантастика, папа, – фыркнула дочь.

– А я уверен, они существуют и были когда-то людьми, как мы. Но появились гаджеты! Инолюди уткнулись в экранчики, перестали есть-пить-двигаться и постепенно деформировались в лупоглазых зелененьких и синеньких уродцев. Неудивительно! Без воздуха, солнца и физической нагрузки будешь только зеленым или синим. Но зачем им красота? Гаджетам она до фонаря. А пальцы зачем? Трех достаточно! И тело не нужно, чтобы соблазнять самку бицепсами, ведь и любовь им не нужна, можно через пробирки размножаться, а не тратить энергию зря. Одна часть понадобилась – голова. Следовало совершенствовать среду обитания, приспосабливать ее к физическим изменениям, чтобы выжить, поэтому голова и распухла от перенапряжения.

К этому времени Лиля поставила перед ним тарелку с рисовой кашей на молоке и тарелку с горячими бутербродами. Борис Борисович поблагодарил ее, чмокнув руку, одновременно Даша высказалась равнодушно:

– Ну и мы деформируемся в таких же головастиков.

– Вам это не грозит, вы однозначно вымрете. Как динозавры. Вы же не пользуетесь мозгами в отличие от гуманоидов, следовательно, они не будут развиваться. Но вы и тела не развиваете, так что… Приятного аппетита, дщерь.

Дочь явно собиралась оскорбиться, у нее сейчас возраст

обид, протестов и самоутверждения, но неожиданно Даша подскочила с места, схватив смартфон, и насмешливо бросила, идя к выходу:

– Уговорили. Я поехала в институт.

– Умница, – сказал папа, уплетая кашу.

Когда умница ушла, что стало понятно по звуку хлопнувшей входной двери, он с удовлетворением оценил свой успех:

– Вот что значит метод логического убеждения вместо твоих непродуктивных наездов. Я прирожденный педагог, эх, такой талант пропал зря.

Лиля стояла у стула дочери и смотрела в окно, после фразы мужа она повернулась к нему и с загадочной улыбкой охладила его:

– Вернись на землю, дорогой. Иди ко мне на минуточку, я покажу, уж извини, – кто превосходит тебя в таланте убеждения.

– То есть?

Озадаченный Борис Борисович подошел к Лиле и, стоя позади жены, вытянул шею, чтобы получше рассмотреть двор.

– А то и есть, – бросила через плечо она. – Мотоциклиста видишь? Он без метода логического убеждения и даже без телефонного звонка смог уговорить твою дочь выйти из дому. Телепат потому что! Полагаю, будущее за телепатией, так что не исключено выживание наших потомков. А вон и

твоя дочь идет. Заметь: не бежит, а идет!

– Марку держит…

Начал Борис как будто с обычной шутливой нотки, но внезапно замолчал. Лиля перемены в нем чувствовала затылком, она чуть отклонилась в сторону, чтобы, оглянувшись, увидеть лицо мужа… и увидела чуть-чуть другого человека, чем того, кого встретила двадцать лет назад. В то время он был немногим старше, долговязый, серьезный, вдумчивый, ершистый, зануда – каких свет не видел. Занудство – прием, чтобы походить на будущее светило медицины, а с Лилей наедине он превращался в ягненка, делился планами. Девчонки в меде, конечно же, мечтали женить его на себе, но кто мог сравниться с Лилей – такой воздушной, что чудилось, будто не ходила она, а парила в воздухе, как колибри.

Ныне от его тщеславия и следа не осталось, действительность – она не только прозаична, но и хорошо отрезвляет, ежедневные заботы не позволяют заниматься маниловщиной, а докторскую он все же защитил. Боря заматерел, его крупные черты (что глаза, что нос, что рот и губы) сложились в гармоничное лицо человека, которого уважаешь просто так, только глядя на него. Сорок три – возраст для мужчины идеальный: есть знания, опыт, положение, силы и… планы, разумеется, только реальные. Теперь ему не надо разыгрывать светило – лучшего хирурга не бывает, а жена – рядовой гинеколог, ведь кому-то нужно уступить карьерную лестницу и заботиться о доме, уступила она.

Однако ее насторожила хмурая тень на лице мужа, и эта упрямая складка между густых бровей выглядела грозно. Лиля бросила взгляд в окно, а там ничего такого, что могло бы вызвать тревогу. Вся из себя царевна Дарья прошла мимо мотоциклиста, задрав нос к облакам, парень завел мотор и, сделав небольшой полукруг, медленно поехал за дочкой. Лиля повернулась лицом к мужу, дотронулась до его щеки и ласково спросила:

– Что не так? Что не нравится? Папа приревновал дочь? Но в семнадцать окончательно прощаются с детством, ошибочно думают, что уже взрослые, заявляют о себе как о большой и бескомпромиссной личности, влюбляются. Жалко, что он не снял шлем, мне интересно посмотреть на него.

А Боря неожиданно заговорил о незначительных вещах:

– Ты знаешь, сколько стоит этот мотоцикл?

– Нет, конечно. И сколько же?

– Примерно… как половина нашей машины.

– Что?! – вытаращилась Лиля. – Полмиллиона?! Да ты шутишь. Двухколесный велосипед с моторчиком полмиллиона?!

– Ну, чуть-чуть дешевле, тысяч четыреста или около того. И шлем минимум пятнадцать штук. Минимум!

– А к чему это ты?.. Что тебя раздосадовало?

– Кое-что беспокоит и серьезно. По размеру одежды и телосложению я вижу, парень юн, как наша дочь, отсюда вывод, что на сверхдорогую игрушку он не мог заработать, зна-

чит…

– Хм, родители купили.

– Это значит, его нещадно балуют родители, – более точно высказался Борис Борисович. – Только представь, сколько денег надо иметь, чтобы безболезненно выкинуть огромную сумму на этот, как ты сказала, двухколесный велосипед с моторчиком.

– Боря, с каких пор тебя волнуют чужие деньги?

– С той секунды, как увидел нашу дочь и парня на мотоцикле. – Борис обнял ее за талию, сцепив пальцы на пояснице. – Я много перевидал скоробогатых, да и ты тоже, не спорю, есть среди них вполне приличные люди, но большинство – конченые отморозки, которые вылезли из бандитских шаек, перекрасившись в «благородную» масть. Это в их духе – покупать отпрыскам игрушечки разного рода, пестуя в них комплекс небожителей. В этом смысле – да, меня очень интересуют чужие деньги, точнее – их происхождение и в какой степени они способны навредить нашей дочери… в смысле их хозяева способны навредить.

Лиля обняла мужа за шею и шутливо пожурила его:

– Ну-ну-ну… Не узнаю тебя! Я своего мужа обнимаю или чужого?

– А что не так?

– Непривычно видеть моего Борю в роли пессимиста-нытика! Мой муж веселый, умный, талантливый врач, которого обожают пациенты! А это самая придирчивая категория,

которой угодить мало кому удается.

– Понял. Больше не буду ныть. (Лиля рассмеялась и в награду чмокнула его в подбородок.) А номер я все-таки разглядел и запомнил. Есть у меня парочка больных, они добудут полную информацию о каждом колесе данного мотоцикла.

– Ой! – вскрикнула Лиля испуганно. – Оля звонила, просила помочь, я обещала приехать… и чуть не забыла!

– Ты меня до инфаркта доведешь резкими переменами.

Лиля рванула к выходу, успокоив мужа, но уже в прихожей:

– Себя ты вылечишь. Борь, я потом сразу на работу. Пока!

У, солнце… У, подлое… Не дало поспать!

Уклоняясь от солнечных лучей, Ласкин сдвинулся немного в одну сторону, потом в другую – не помогло, он повернулся на бок и накрыл голову подушкой. Да теперь кончено, сон испорчен. А снилось что-то очень хорошее и красочное, из-за досады на яркие лучи забыл – что, но все равно глаза раздирать не хотелось. Только во снах Ласкин и жил красиво, там он не пил, был богат, жил во дворцах, по воздуху летал аки птица… поэтому любил поспать, чтобы достойно пожить хотя бы во снах. Однако нутро горело, будто там адское пекло, он позвал:

– Роза… Роза… (Жена не прибежала на помощь.) Ну и хрен с тобой. Настька… Настька, зараза, живо ко мне!

Скрипнула дверь, значит, кто-то пришел на зов, Ласкин приподнял подушку и одним глазом взглянул, кто именно. На пороге комнаты стояла жующая падчерица Настя, одной рукой держась за дверную ручку, во второй сжимала надкусанное яблоко. Слабым голосом умирающего Ласкин проблеял:

– Чего стоишь? Неси папе попить.

– Рассола или воды?

– То и другое. А также третье…

– Ага, мамка мне потом по шее накостыляет за третье.

М-да, мамка у них баба – ух! Женился он на Розе, когда ее дочери было десять лет, обе остались без жилья, их муж-отец подался в бизнесмены, нахватал долгов и сбежал. Расплачиваться пришлось Розе имуществом, так девчонки и остались на улице – куда это годится? Ласкин пустил их пожить. Потом предложил пожениться, чтобы узаконить в глазах поселка и чтоб прописка была, а то ведь без нее никуда – ни на работу, ни в школу дитё устроить. Но условие выдвинул: брак фиктивный, посему живи в радость и не мешай другому жить, конкретно – ему. Он-то имел в виду выпивку – это ж святое, на нее не посягать. Некоторое время Роза честно выполняла договор, ничего так стало – она стирала, убирала, готовила, а потом как-то так получилось случайно… Короче, проснулся однажды Ласкин, а Роза – вот она, рядышком дышит себе как ни в чем не бывало.

Вова Ласкин понял: ему труба, неудачник потому что. И подползла же, гадюка, когда он подвыпил! Ласкин растолкал Розу и предупредил, что договор остается в силе, никаких поблажек, да и вообще! На фиг ему это самое, если он ничего не помнит, может, этого самого и не было.

Роза хохотала, аж закатывалась, сказала, он похож на обманутую девственницу. И чего было делать? Смириться только. Бабы без тоталитаризма не могут, либо муж устанавливает режим кулаков, либо, если вожжи отпустил, жена строит дурака. Конечно, победила Роза, стала свои порядки наводить, а он – прятать бутылки, утаивать денежки – за-

рабатывал, кстати, неплохо. В общем, началась не жизнь, а сплошные прятки.

Одна Настюха была в радость, из-за нее он и терпел узурпатора мамашу. Теперь Насте двадцать два года, по мнению Ласкина девка сладкая, как конфета, все при ней, чтоб радовать глаз: лукавая, румяная, губы алые и аж лоснятся, глазастая, телом упругая, а не чехонь, выловленная в голодный год. Одним словом, в самом соку. Но главное, у них душевные отношения, он ее отмазывает от мамы, она к нему с пониманием, а сейчас стоит и лыбится!

– Так что ж, умирать теперь папе? – со слезой в голосе спросил он. – У меня ж стресс тяжелый, твой папа чуть не умер недавно, когда с трупом повстречался.

Всем соседям Ласкин поведал о находке на пустыре, и, как водится, каждый раз его повествование обрастало новыми подробностями, а он ощущал себя былинным героем – могучим, смелым, мудрым. Но сейчас «герой» не в форме, он сел на кровати в растянутой майке, застиранных семейных трусах, помятый, несчастный, и пытался давить на совесть Насти:

– Я тя на руках носил, кормил-поил с ложечки, когда болела, я те туфельки дорогие покупал, когда мамка твоя возражала, а ты теперь отказываешь папе в живительной необходимости. Тогда пошла прочь, непокорная дочь.

– Ладно, принесу, – сжалилась Настя.

Пять минут спустя он держал стопку в руке, собираясь с

духом, первая всегда идет трудно, словно через препятствия пробирается. Выпил одним глотком и замер, так как горячая волна побежала по груди, от солнечного сплетения распространилась по всем конечностям. Настя сидела рядом, сразу сунула в рот Ласкина кусок соленого помидора, сетуя вслух:

– Баллон открыла, а мамка недавно закатала помидоры. Достанется нам… Хлеб с маслом будешь?

– Не… – потирая грудь ладонью, улыбался он.

Она его не послушала, намазала ломоть толстым слоем масла, уложила на масло кружок вареной колбасы и поднесла ко рту:

– Закусывай, закусывай, а то развезет и мамка нас с кашей съест.

Он сдался без боя, собственно, приятно, когда о тебе заботятся. Ласкин откусил кусочище и, пережевывая, в благодарность наставлял Настю:

– Уф, хорошо по сосудам пошла… Слышь, доча, ты вечером через пустырь не ходи, вот чует сердце – лучше обходить его.

– Да ладно, дядь Вова (она редко называла его папой, но называла, особенно при людях), ты сто раз уже предупреждал.

– А ты, дуреха, слушай и на ус мотай.

– У меня усов нет, – хихикнула она. – И потом, дядь Вова, ты ж сам говорил, мина в одну воронку два раза не попадает.

– Я сказал – не ходить! – прикрикнул Ласкин и стукнул

ладонью по кровати. – Видела б ту девчонку убитую… молоденькая, как ты. Знаешь, я тут думал… Налей-ка чуток.

– Ага, щас! – отодвинулась от него Настя, прижав к себе бутылку обеими руками. – Здоровье поправил? И хватит. Мамка говорила, тебе сегодня на дежурство, так что извини.

– Настька! – запыхтел он, изобразив на физиономии гнев, но девчонка, не испугавшись, подмигнула ему и хихикнула. – Настька, ты плохая. Как мамка твоя!

– Не, дядь Вова, не налью.

– Тогда пошла прочь, непокорная дочь.

– До вечера надерешься, и с работы тебя попрут. Потом будешь бухать месяц – стресс заливать, потом работу искать, а жить на что будем? Я слушаю, до чего ты там додумался?

Он сморщился, вычисляя, что выгодней: пошантажировать Настю, мол, нальешь – расскажу, или без условий выложить ценные умозаключения? Решил выложить все же, девчонку убедить надо, чтоб из-за лени не вляпалась:

– Вот смотри, дорога, имеется в виду добротная дорога, асфальтом покрытая, идет вдоль пустыря по «мосту», туда и маршрутки ходят круглые сутки. И куда ж они ходят, м? А в поселок для жирных котов – в Луговое, так?

– Ну, – согласилась Настя.

– Мне думается, из кошачьего поселка девку привезли и кинули.

– Дядь Вова, а зачем богатым какая-то девчонка? Говоришь, убили ее – тем более! Ну и зачем им убивать, когда

полно желающих оказать услуги разного рода, в том числе и сексуального?

– А мало гадов на земле, да? Побаловались, покуражились и выкинули, чтоб мусорам не доложила. Представь, сколько мороки из-за нее могло быть! А какой скандал для жирного кота мог случиться…

– Думаешь, изнасиловали ее?

– Хрен знает, – пожал он плечами. – Вроде не похоже… так следовательская дама сказала. А чего ж тогда на руках и ногах кольца из синяков? Значит, привязывали. И почему она была без всего? Не-не, думаю, худое с ней сотворили. Я к чему говорю: через пустырь не ходить! Такое мое приказание. В обход иди – это вдоль жилых домов, всегда на помощь можно позвать, собаки во дворах хай поднимут. А через пустырь – хрен кто поможет, если что. Не, я всегда встречу, когда не на работе буду. Ты поняла?

– Мамка! – вдруг испуганно распахнула глаза Настя, услышав хлопок входной двери. – А я баллон с помидорами не спрятала!

По шуму и неразборчивой речи – да, Роза притопала домой. Настя в мгновение ока убрала рюмку с бутылкой в свою сумочку и повесила ее на спинку стула, после запрыгнула на кровать, спрятавшись за спиной Ласкина.

Дверь распахнулась, в проеме стояла красота в прошлом, на сегодняшний день срок годности Розочки истек – сорок восемь как-никак. Однако Ласкин качеством тоже не супер-

бой из американ-кино. При всем при том было бы неправдой утверждать, будто Роза мымра, нет-нет, она баба знойная и сейчас. Грудь – как два арбуза, задница – на два стула, глаза зеленущие – как у ведьмы болотной, волосы пышные, как у Насти, губы такие же… Только с этих губ иной раз слетают препоганые, некультурные словеса.

– Уже, да? – грозно сдвинула брови Розочка.

– Как стекло после стирки! – прижал к груди обе ладони Ласкин.

Святой, право слово, Настя за его спиной хихикнула, но мама заставила ее зажать рот обеими ладонями, бушуя:

– Попробуй только налакаться до работы, Вова, я тебя собственными руками утоплю в нашей бочке с водой. А ты чего прячешься? Что за хиханьки там? Почему не в колледже?.. Я кого спрашиваю?

Настя не рискнула выглянуть из-за плеча Ласкина, мама может и кинуть в дочь чем попало, поторопилась дать объяснение прогулу:

– У нас сегодня со второй половины дня подготовка к вечеру посвящения первокурсников в студенты, участникам разрешили пропустить занятия. – Розочка ушла, а Настя спрыгнула с кровати со смешком: – Это она еще не видела открытую банку с помидорами.

– А орет, как голодная макака, – заворчал Ласкин. – Налей папе. Одну, а? Все настроение испортила, а так хорошо было…

– Ладно. Но только одну.
– Одну, одну… И помни насчет пустыря – в обход!

Перед уходом Лилия склонилась над трупом

Она всматривалась в лицо мертвой девушки, одновременно снимая латексные перчатки и невольно озвучивая свои мысли:

– Боже мой, ей жить да жить, любить, ненавидеть, смеяться, плакать… А для нее все кончено, не успев начаться. И смерть, полагаю, была ужасной, эта девочка пережила страшные минуты, а может, часы, показавшиеся длиннее ее короткой жизни. Бедняжка…

Внезапно полотно закрыло лицо мертвой девушки, это сделала Ольга. А Лиля медленно, еще находясь в плену грусти, выпрямилась, глядя на едва угадываемые очертания под полотном.

– Вот и все, как и не было девочки, – произнесла она.

Видя, что мертвая девица не отпускает приятельницу, словно между ними образовалась невидимая связь, Ольга мягко сказала, обняв Лилю за плечи:

– Довольно, а то расплачешься еще. Идем, пора кофейку попить и поболтать на тему… – указала она глазами на труп под полотном.

– У тебя нет детей, поэтому меня не понимаешь, – шла рядом с давней подругой Лиля. – Я просто думаю, что она чья-то дочь, что ее любили, баловали…

– Баловали? А это откуда ты взяла?

– Она молоденькая, но не по-детски ухоженная, а по-богатому, как говорит моя пациентка из деревни. Маникюр дорогой, педикюр… то есть не самостоятельно девочка ухаживала за собой, а посещала дорогие салоны, поэтому ногти у нее в идеальнейшем состоянии. Уж я-то, имея дело с женщинами, могу отличить состоятельных людей от более простых по тем же ноготкам на их конечностях и по волосам. У нее слабенькие волосы…

– Да? – изумилась Ольга. – Я бы так не сказала.

– В том-то и дело! – наконец оживилась Лиля, а то сама была похожа не неживое создание. – Слабые и тонкие волосы выглядят роскошно, не чудо ли? Это искусство парикмахера, именно он делает длительный прикорневой объем волос, после процедуры они смотрятся копной. Сама взгляни внимательно, хоть через лупу – каждая волосинка идет точно вверх.

– Неужели? А как этот обман именуется?

Ольга настолько заинтересовалась прической, даже приостановилась, проблема волос для нее тоже актуальна. Ей приходится довольствоваться прической а ля старая дева – зачесывать назад, закручивать косу в пучок и закалывать его шпильками, что мало кому идет. Но другие прически еще хуже, апробированы по нескольку раз. Лиля охотно делилась знаниями, хотя сама услугами дорогих салонов не пользовалась:

– Укладка называется буст ап… Кажется, так некоторые мои пациентки называли данное волшебство. Но учти, если захочешь применить данную технологию к своим волосам, преображение будет стоить недешево.

Реакция Оленьки заставила Лилю закусить губу и хитро сощуриться, ибо подружка неожиданно для нее приоткрыла свою потайную сторону:

– Какая разница, сколько это стоит, мне хочется перемен.

– Ой-ой-ой! – Лиля взяла ее под руку и перешла на доверительный тон. – Перемен? Значит, появился некто, заставивший дрогнуть холодное сердце?

– Да ну тебя! – выдернула руку Ольга, смутившись.

Смущение нетипично для нее, однако это и явилось подтверждением: Оля кем-то увлечена. Раньше обе жили по соседству, на одной площадке, сблизились, скорее, как сестры, ведь Лиля много старше, хотя сейчас разницы в возрасте между ними не видно. Ольга крупнее, мощнее, внешне строже, отсюда и кажется старше своих лет – вот такая игра природы. Лиля и ростом ниже, и хрупкая, и лицо у нее по-девчоночьи наивное, да и вообще: маленькая собачка всегда щенок. Однако наивности в ней столь же мало, как и легкомысленности в Ольге.

– Мы отвлеклись, – решила Оля переключить внимание подруги. – Итак, ты перечислила дорогие процедуры, что же они тебе рассказали?

– Что родители девочки состоятельные люди, в ее воз-

расте не зарабатывают, а учатся.

– Обязательно родители? Девчонка могла иметь покровителя, возраст и внешность как раз позволяют, – провокационно возразила Ольга. – Современные девчонки лет в тринадцать начинают вести активную половую жизнь, а некоторые незрелые экземпляры и раньше. Ну, эти дурочки, конечно, по большой любви в постель ложатся, а тринадцатилетние уже сознательно идут на связь, зная, как мужики любят Лолиточек и сколько с них можно взять. Так что с этой точки зрения наша девочка – перестарок, ей лет восемнадцать-девятнадцать аж!

Лиле она доверяла полностью, а возражала исключительно из корыстных целей – чтобы получить наиболее полную информацию. К этому времени они вошли в довольно уютный и светлый кабинет, на правах законной хозяйки Ольга засуетилась: включила электрический чайник, достала чашки, ажурную вазочку с конфетами, банку с растворимым кофе, но подруга отказалась:

– Нет-нет, я не буду.

– Почему? – вытаращила глаза Ольга.

Провозились с трупом они достаточно, чтобы не конфеты запивать чашкой кофе, а срочно бежать в кафешку и заказать полноценный обед. Настал черед смутиться Лиле, она потупилась, но честно призналась:

– Не могу здесь… Прости.

– О, боже! – рассмеялась Ольга. – Такое ощущение, будто

впервые видишь труп человека. Нет, только что со мной изучала тело и вдруг… У тебя никто не умирал прямо в кресле во время пустяшной операции?

– У каждого врача есть свое ненавистное кладбище. Но я не режу своих умерших больных на фрагменты, чтобы рассмотреть тайны их тел. Да и совсем другие обстоятельства у меня: только что пациентка была живой, я говорила с ней, она еще теплая, внушает надежду, что ее можно оживить. А здесь… здесь уже не человек, а изначально труп – это другое. Не знаю, как еще объяснить.

– Да ладно, и так понятно, – усаживаясь на стул, улыбнулась Ольга. – Хотя от дипломированного и замечательного врача, к которому женщины стремятся попасть, странно слышать подобные заявления. Кстати, почему ты не идешь в частную клинику? Денег бы зарабатывала кучу с твоей-то базой клиентуры.

– Кому-то нужно и бесплатную помощь оказывать, не все же у нас при деньгах, а здоровье и дети нужны всем… или почти всем. И потом, у частников не здоровье важно, а платежеспособность, там не пациенты, а клиенты, мне же нравится по старинке – лечить. А знаешь, я тоже озадачена: почему ты стала патологоанатомом, теперь вот судмедэксперт? Сугубо мужские профессии на мой взгляд. Эксперт… это же ответственность возрастает вплоть до уголовной, если предоставишь неверное заключение экспертизы. До сих пор твои невнятные объяснения для меня остаются туманными.

Размешивая ложечкой сахар в беленькой чашке, Оля потупилась, но и в эту минуту, располагающую к откровению, сказала лишь часть правды:

– Понимаешь, здесь всегда требуются специалисты, здесь я – эксклюзив, а в больнице или поликлинике стала бы заурядной единицей, на которую жалуются больные. Там врачам приходится бегать в суды. Когда эксперт уехал с семьей покорять Север, я сама напросилась на его место. Конечно, готовилась, подтвердила квалификацию (здесь она приврала, продвинули ее знакомые), но ведь желающих больше не было (тоже неправда), а кому-то надо и этим заниматься. По правде говоря, мне нравится работать экспертом, интересно открывать спрятанные в теле тайны… (Ах, если бы Оля не валяла дурака будучи студенткой! Но этого не скажешь, стыдно.) Ладно, не буду тебя задерживать, а то все время на часы поглядываешь. Вернемся к девочке. Итак, ты остановилась…

– Я помню, – перебила Лиля. – Не думаю, что у твоей девочки был богатый покровитель, и вот почему…

Он начал собираться, когда она еще спала

Спала лежа на животе и сунув под подушку обе ладони, лицом к нему. Светлые волосы приятного желтоватого оттенка, рассыпанные по плечам, отдельными прядями легли на лицо, спустились на постель… На темно-зеленом шелке и под таким же покрывалом, облепившем тело, Вероника смотрелась героиней фантастической повести. Ею можно любоваться весь вечер, потом любить до утра, потом весь день дохнуть от скуки и снова по кругу; вечер… ночь… день… Проснувшись, Ролан сел и смотрел на девушку, думая вовсе не о ней.

Только просто сидеть и думать о чем бы то ни было не в его духе, да и не привык он к бездействию. Ролан стал одеваться, заодно латая свою ментальность, в которой тьма пробоин: то совесть на нервы действует, то пофигизм наступает, то морду хочется набить хоть кому-нибудь и без причин, то депресняк парализует.

А поразмыслить Ролану Роменских следовало о многом, к сорока годам накапливается масса вопросов к себе, претензий к другим, коллекционируется несчетное количество промахов, дурацких ошибок, обрастающих серьезными проблемами. М-да, этих штук – проблем – многовато для одной человеческой жизни, есть неразрешимые, и с какого бока к

ним подобраться, он пока не придумал. Да и бессмысленное это занятие – искать выход там, где его не может быть, но человек всегда надеется: сегодня что-то изменится. Например, метеорит упадет и наступит новая эра, которая смахнет в космос все сложности-трудности, но, ах, какая досада: метеорит не падал, ничего не менялось. Данное положение удручало, правда, временно, пока новый день не заставлял жить по правилам деловых людей. Воля, только она спасает.

Ролан затягивал узел галстука по памяти, когда Вероника открыла один глаз, увидела его одетым и слегка приподнялась, расстроившись:

– Уходишь? Уже?

– Мне пора, – сухо сказал он.

Сухой тон и сдержанность перед уходом всегдашний его прием, он означал для Вероники: в твоей жизни ничего не изменится, как и в моей.

– Как плохо начинается день…

Проговорив со слезливой дрожью в голосе, Вероника легла на спину и уставилась в потолок глазами орехового цвета. Сейчас в них задержался протест, знакомый ему, как цвет ее глаз и губ, как запах ее кожи и волос, который не забить искусственными ароматами. Но все приедается, все становится банально-обыденным – даже красота озера с лебедями, если их видишь каждый день. Ролан молча надел пиджак и проверял, что лежит в карманах, так он поступает всегда. Вероника, не дождавшись слов утешения, села на постели, при-

слонившись к стене, и бросила пока без раздражения:

– Скажи, это когда-нибудь кончится?

– Что именно?

Конечно, он прекрасно понял, о чем она спрашивает. К сожалению, ему не удалось сбежать до того, как Вероника проснулась, теперь предстоит себе и ей испортить утро, впрочем, оно уже испорчено. Поставив кейс на спинку кресла, он открыл его, изучая содержимое, но это внешняя сторона Ролана, ему бы внутрь себя заглянуть и честно сделать там ревизию, да не решался, потому что себя же и боялся. Кейс изучен, тишина напрягала. Он покосился на Веронику и отметил про себя не первый раз – как же она хороша.

Себя он считал не выделяющимся, но лучше заурядного мэна в засаленном пиджаке, с пакетом в руках и запахом дешевого парфюма. Ролан спортивен, он следит за собой, посещает спортзал, бассейн, ведь иметь пивное пузо в сорок лет – пошло. Разумеется, одевается не в тряпки из «бутиков» на рынке, а носит дорогие пиджаки и туфли, в руках держит кейс. Странно, что нашла в нем Вероника, которая младше на целых… вдуматься только!.. шестнадцать лет?! Это загадка покруче теоремы Ферма́, он же не олигарх, хотя далеко не беден.

– Четыре года мы живем вот так. – Она заговорила, как и ожидалось, с легким раздражением. – Не много ли?

– Я предупреждал, что иначе не будет, ты согласилась.

– А я надеялась, ты рассмотришь мои достоинства и свои

условия отменишь. Хочу… ну, что все хотят, только не признаются? Замуж за любимого человека хочу, свой дом, где живет счастье, бегают дети. Хочу каждый вечер встречать тебя с работы, готовить тебе еду, а еще стоять с опахалом и отгонять от тебя мух с комарами, когда ты спишь.

Вот так насмешила! В двадцать четыре года ей подавай дом (как будто у нее нет крыши над головой), детей (на фига они ей в этом возрасте?), опахало с кастрюлями? Какая нетребовательная девочка, какие у нее примитивные мечты. Но Ролан не рассмеялся, конечно, он присел на кровать, нежно провел ладонью по ее щеке и неожиданно произнес:

– Я не достоин тебя. Правда.

Было сказано так искренне, так трогательно, с какой-то непонятной болью в глазах, что Вероника на несколько секунд впала в ступор. Ненадолго. И вдруг порывисто обняла его и обожгла ухо горячим дыханием, быстро проговорив:

– Позволь мне самой решать, кто достоин меня. Ты, только ты и никто больше! Никто и никогда.

Она ничего не поняла. Ничего. А чего он ждал? Что Вероника прочтет его мысли, заглянет в глубины несуществующей души? Это не дано никому, даже ему. Оставив ее порыв без ответных ласк и тем более ложных обещаний, Ролан поднялся со вздохом сожаления:

– У тебя это пройдет, скоро пройдет. Прости, мне пора.

И ушел, слыша из прихожей, как плачет Вероника:

– Не уходи… Ну, пожалуйста… Я тебя ненавижу!..

Вот к чему эти всхлипывания, жалобы, упреки, слезы… самый неудачный бабский прием! Первое, что они вызывают – раздражение, потом негодование, заканчивается злостью. В жизни Ролана слез было и есть много, он уже может памятник воздвигнуть слезам, только его неправильно поймут. Хлюпать носом, по большому счету, причин у Вероники нет, на работу ее он устроил с неоконченной вышкой (чтоб не скучала без него), в квартиру ее поселил, машину купил, тряпки – пожалуйста. Если вложения рассматривать как плату, то это о-о-очень щедро за секс и некоторое время релаксации. Но в девочке заговорил собственник, власти захотелось над благодетелем, а он лишился редкого состояния нирваны.

За короткий путь с верхнего этажа до автомобиля во дворе Ролан прошел все три стадии: муки совести, разочарование и абстрактную злость, направленную в никуда. Да, садясь в машину, он был достаточно зол, чтобы не поздороваться с водителем. Тот не обиделся, кто он такой – чтобы обижаться? Тридцатипятилетний Тим взял за правило: ничего не вижу, ничего не слышу, ничего никому не скажу и главное – ничему не удивлюсь. А на фиг ему чужие проблемы? Всю дорогу он вел автомобиль молча, а когда почувствовал, что Роменских пришел в относительное спокойствие, напомнил ему:

– На заднем сиденье два пакета, полосатый для старшей, розовый для младшей. Купил все, как вы просили, Ролан Фа-

деевич.

– Спасибо, Тим, спасибо, – натянуто улыбнулся шеф. – Давай сначала заедем в одно место, хочу выпить кофе… или чаю…

Значит, ничего страшного не случилось, решил Тим про себя, всего лишь дела житейские озаботили шефа.

Очередной раз Павел вернулся к снимкам девушки

Крупный план, общий, руки и ноги с «браслетами» из кровоподтеков, отдельно запястья и щиколотки, части тела… Снимков много, некоторые лишние – словно снимал маньяк, находясь под впечатлением обнаженки и балдея от признаков смерти. Три дня ждали заявления о пропаже, потом еще три дня, потом еще… Обычно родственники раньше бьют тревогу, здесь же – тишина.

– Глухарь, – минорно произнес Павел вслух. Он один в кабинете и мог не бояться, что кто-нибудь увидит его растерянность и уныние, которые легко объединяются словом «слабость». – Ничего при ней, ни одной нитки, ни следов с уликами вокруг… Если б не царапина на бедре, подумал бы, с неба упала! Что же мне с ней делать?

В следующий миг настроение Павла частично улучшилось: дверь кабинета распахнулась и вошла надежда! Да-да, надежда собственной персоной, точнее – Ольга Коноплева, нарядная, свежая, благоухающая. Павел сблизиться ни с кем не успел, да особо и не старался – для некоторых уединение не является наказанием, он как раз из этой редкой породы, ему комфортно с самим собой. Однако на контакт необходимо идти хотя бы из чисто профессионального эгоизма. В последний момент он передумал разыгрывать фальшивую ра-

дость, на сближение пойдет с кем-нибудь другим, а то Оля не так поймет перемену. Терехов натянул бесстрастную мину самого серьезного человека на свете.

– О! Здравствуй, Оля. Жду, жду свидания с тобой, а тебя все нет и нет, уж столько дней прошло. Что ты делала с трупом так долго, Оленька?

– Расчленяла, – кокетливо пошутила она, идя к его столу.

– Ну и?..

– Раньше не могла, потому что столкнулась с большими трудностями во время исследования.

– Оля, я в курсе ваших каждодневных трудностей, поверь, меня они тоже любят. Давай без вступлений сразу к делу.

– Если так ждал результата, мог бы и сам приехать.

Она села на стул напротив Павла, положила папку на стол, потом подняла глаза на него и паузу закатила. Недовольство Терехова справедливо, Оленька слишком долго возилась с трупом. Ей хотелось бы с видом гордым выложить на стол Павла все в готовеньком виде, дескать, основную работу я провернула, тебе осталась малость: назвать имя преступника! Да чудес-то не бывает. На худой конец хотелось без гордого вида, но предоставить ему насколько возможно полную информацию, которую… самостоятельно она не в силах сложить.

Ни один человек не в курсе (кроме коллег, их, к счастью, немного), что у Оли большая нехватка знаний – это тайна, она скрывала ее даже от Лили. К сожалению, такое случает-

ся, когда учатся чему-нибудь и как-нибудь, а к счастью – покойникам уже ничем не навредишь, родные не накатают телегу за ненадлежащее выполнение обязанностей, не подадут в суд. Потому Ольга и выбрала морг, полагая, что на этой стезе уж точно не расшибет лоб о трудности, но… Легких работ не бывает, как и половинчатые знания больше вредят самому обладателю данного «счастья», чем приносят пользу и удовлетворение.

Столкнувшись с нетипичными и противоречивыми показателями при исследовании, Оля обратилась к Лиле, чтобы та помогла кое-что прояснить. К коллегам неловко каждый раз бежать за помощью, а Лиля – она своя, не станет ни злословить, ни насмехаться, ни рисоваться. И вот, неплохо подковавшись, Оля надеялась произвести впечатление на сухаря Терехова, а потому, вспомнив о долге (ни больше ни меньше), решительно раскрыла папку и уверенно начала:

– Значит так… Ну, непосредственная причина смерти стала ясна практически сразу – интоксикация.

– Точнее можно?

– Передоз. Тебе подробно? – Теперь она посерьезнела, при всех «но» Оля работу любила и старалась быть полезной, насколько это возможно. – Видишь ли, в результате исследований открывались нетипичные признаки у трупа, которые я попыталась расшифровать, только от этого загадок меньше не стало.

Ох, не любил Павел ситуации, когда из человека нуж-

но клещами вытаскивать информацию, которую он обязан предоставить сам! Здесь же не междусобойчик за рюмкой чая, от Ольги все, включая его, ждут серьезной работы, чтобы определиться, с какой стороны подходить к расследованию. Состав преступления очевиден хотя бы в том, что девушку привезли на пустырь и бросили еще живой, а в остальном… пока ни черта не ясно.

– Загадки любят детали, – сказал Павел, – поэтому подробно.

– Хм, верно, детали в нашем деле ключ к успеху, – усмехнулась Ольга со знанием дела, словно в расследованиях принимала участие, еще будучи младенцем. – Первое, что выделили – наркотическое вещество.

– Угу, она наркоманка?

– Нет и нет. Начинающие наркоманы не знают, что даже недлительный прием наркотических веществ разрушает внутренние органы. Любой анатом, разрезав тело, сходу определит по внутренностям, сколько времени труп принимал наркотики, а уж синтетика – это убойная сила. Она вызывает необратимые процессы даже без передозировки, у многих после первого же приема. У нашей девочки органы здоровые, чистенькие – хоть на выставку. И ни грамма алкоголя в крови. Но представь наше затруднение: на теле следов инъекции мы не обнаружили.

– То есть девушка выпила…

– Нет, Павел, – не дослушала Ольга, качая головой из сто-

роны в сторону с загадочным видом. – У нас есть ас – старик Покровский, лично я продолжаю у него учиться, ему известно то, что не преподают ни в одном вузе. Так вот он изучил содержимое желудка, не ела она, по его словам, приблизительно часов десять. Наркотик, судя по концентрации и воздействию, попал в ее организм незадолго до того, как девица очутилась на пустыре, при этом частиц наркотического вещества в желудке не обнаружено.

– Хочешь сказать, она не принимала…

– Перорально? Нет.

– А как попал наркотик в организм?

– Только инъекция.

– Но ты же говорила, следа от укола на теле нет.

– Совершенно верно. Покровский посоветовал искать след иглы в самых потаенных местах. (Непроизвольно Павел поднял брови: мол, что за потаенные места?) В первую очередь это области с волосяным покровом – голова и лобок, подмышки у нее чистые. Но мы сначала изучили половые органы, так как хотели выяснить, был ли секс у нее, она ведь попала в наши руки полностью обнаженной.

Много слов. Все, что можно сообщить парой фраз, Оля размазала по монологам, Павел помог ей:

– Я почему-то уверен, что секс был.

– Верно, в ту ночь у нашей находки был активный секс…

– А секс бывает пассивным? – на полном серьезе спросил Павел.

– Я имела в виду не с одним партнером.

– Уже интересно. А сколько партнеров было?

– Больше одного… м… или даже двух.

– А что, наша наука не способна установить точное количество партнеров? – задал наивный вопрос Павел, но надо ж было как-то расшевелить Оленьку.

– Видишь ли, все эти штуки – центрифуги, компьютерные программы и прочие технические новшества – это не к нам, а к кинематографу, но иначе было бы неинтересно смотреть кино. А у нас примитивный набор технического оснащения. Так вот, смешанный биоматериал, который мы извлекли, не показал количество партнеров, кроме того, что их было больше одного. Так что давай остановимся на двух, раз уж на пустырь принесли ее два типа. Но есть любопытный, важный факт…

– Ну-ну? Выкладывай, что там? – нетерпеливо спросил он.

Настал момент, когда можно рассказать частичную правду, не опасаясь, что Терехов усомнится в ее профессионализме, ей очень хотелось надеть на себя медаль аса:

– Мне пришлось пригласить специалиста в области гинекологии, он подтвердил… (Лиля как раз и определила.) Он подтвердил, что девственности наша находка лишилась совсем недавно, примерно за неделю до группового секса. Казалось бы, насильственные действия партнеров – самая удобоваримая версия, если бы не одно «но»…

Павел догадался, что имела в виду Оля под словом «но» –

при насилии сопротивляются, это должно быть видно без лупы, он возразил:

– И все же следы насилия на теле есть. Или полагаешь, через неделю после первого секса девушка способна добровольно заниматься этим делом сразу с несколькими мужчинами? Что-то не верится…

Ей нечего было противопоставить, она и развела руками:

– То-то и оно! Восстановить хотя бы частично картину, что именно происходило с ней, мы не в состоянии.

Она немножко забыла, что восстанавливать событийные картины входит в обязанности следователя, Павел вернул Олю к ее обязанностям:

– Ты отвлеклась. Что с инъекцией?

– Должна сказать, найти след от инъекции было очень сложно, мы в прямом смысле с лупой…

– В каком месте? – перебил он.

– На голове. Точнее, в затылочной части, еще точнее – в районе волосяного покрова у основания че-репа.

Павел откинулся на спинку стула, упираясь руками в столешницу и глядя в упор на Ольгу, но явно не видя ее. Какое-то время он только щурился, словно ему в глаза светило солнце, а на самом деле представлял руку, сжимающую шприц, представлял иглу, которая входит в область затылка… Ничего не складывалось.

– Фотографии есть?

Ольга с готовностью раскрыла папку, нашла нужные фо-

тографии и по одной выкладывала их перед Павлом:

– Среди волос разглядеть след укола практически невозможно даже на фото… Вот, смотри, я обвела на снимках след от иглы кружком. Есть электронный вариант снимков, флешка со мной, ты можешь увеличить, но дальше вместо изображения одни кубики…

Как ни странно, пять снимков с разных ракурсов Павел просмотрел очень быстро, это уже было неважным, главное – место укола есть.

– И после этого, Оля, – произнес он, откладывая в сторону снимки, – ты утверждаешь, будто невозможно восстановить, что именно происходило с ней?

– Понимаешь…

– Да тут нечего понимать, – достаточно мягко перебил он, лишь бы не обидеть. – Сама себе она не могла сделать укол, тем более в такое труднодоступное место, даже если допустить, что девушка хотела свести счеты с жизнью. Есть способы суицида попроще, зачем же так изгаляться? Я вообще первый раз слышу, что можно колоться в область затылка…

– Я тоже с данным фактом впервые встретилась, – вставила Ольга. – Более того, никто из коллег с подобным не сталкивался.

– Значит, будем заводить уголовное дело.

– Считаешь, оснований достаточно?

– Более чем.

Объяснять, что за основания, он не посчитал нужным,

тем самым немножко обидев Оленьку. Она тут распиналась, фактически намекнула, что готова стать его правой и левой рукой при расследовании сложного дела… Умный понял бы, но у Терехова функция понимания находится в труднодоступном месте, или он прикинулся, будто не уловил намека.

Оля переплела пальцы рук, уложила их на папку, которую принесла, потом отвернула лицо к окну – уж и не знала, чем еще взять Павлика. Однако, не являясь слабенькой курицей, которая легко уступает место более сильным пернатым, она вернулась к деловому тону, ибо выигрывает терпеливый и настойчивый:

– Хочу дополнить. Девушка явно из приличной семьи…

– Что ты называешь приличной семьей?

– Из обеспеченной. Состоятельной.

О, вот теперь на его лице появилась заинтересованность:

– А это по каким таким признакам определила?

– Маникюр, педикюр, укладка волос – услуги такого качества оказывают в очень дорогих салонах. Сама девочка не могла заработать в силу возраста, следовательно, деньги дают родители. Думаю, они в отъезде, поэтому не подняли тревогу, сентябрь – лучшее время для отдыха. А тебе с оперативниками следует поискать след девочки в учебных заведениях, она наверняка студентка.

– Спасибо, Оля, это ценная идея.

Дождалась! Они-с похвалили! А кому обязана она похвалой? Разумеется, Лиле. Больше нечем порадовать Павлика,

он такой, что и попросит ее из кабинета, значит, пора действовать:

– Слушай, Павел, меня приятельница подвела: договорились пойти в театр, я купила билеты, а она не может – мать в больницу попала с инсультом. Не составишь компанию? Клянусь, даже за билет не возьму.

– Спасибо, Оля, я бы с удовольствием, но… не люблю театры. Да и мама требует, чтобы я сопровождал ее сегодня к другу отца на юбилей.

– Жаль, билет пропадет. Ладно, еще поищу любителей…

Не успела договорить, как вздрогнула от противного окрика сзади:

– Марихуана! Ты?

Ольга обернулась… Ну да, самый гадостный опер стоял в дверях, самый ехидный и беспардонный, косящий под простачка-дурачка, что не вязалось с обликом принца из грез девиц пубертатного периода. Ольга терпеть не могла эту породистую физиономию с вечной улыбочкой идиота, как будто в его жизни одни пирожные падают с неба на голову. Ей никогда не нравились светлые шатены, по ее мнению, в них таится нечто фальшивое, начиная от цвета волос, будто выкрашенных в неестественно ровный серый колер, и таких же светло-серых глаз. А у этого типа еще и нос горбатый – коршун просто. И не выносила фигуру качка, характерную для бандюков с одной извилиной – мозги нечем занять, вот и упражняют мышцы. А его дурацкий юморок, понятный только «из-

бранным»… уф! Ольга поднялась, прощаясь с Павлом:

– Подробности найдешь в актах, а у меня все. Если что – звони или приезжай, встречу, как родного.

– Нет уж, лучше вы к нам, – буркнул тот, беря папку в руки.

– Куда ты, Марихуана? – перегородил ей дорогу Феликс. – Неужто не рада меня видеть?

– Готова прыгать от счастья, – презрительно фыркнула Ольга, обошла его и скрылась за дверью.

Ни разу не расстроившись, Феликс развалился на том же стуле, где до него сидела Ольга, и, поймав на себе строгий взгляд Терехова, оправдался:

– У нас с ней взаимная, страстная нелюбовь.

– Почему Марихуана? – озадачился Павел.

– Так она же Коноплева – это одно и то же! А знаешь, сколько от конопли производного кайфа, убивающего человеческую породу? Я спец по конопле, изучил ее вдоль и поперек, у самодеятельных ботаников изымал прямо из парников культивированную коноплю с мой рост, а у меня метр восемьдесят семь. Деревья в натуре! Ну, рассказывай, что накрякала тебе княжна морга?

Павел пододвинул ему папку Ольги, сверху кинул фотографии и, скрестив на груди руки, замер в ожидании. Он лично просил в помощники Феликса, без оперативников работать невозможно, черную-то работу выполняют они. К тому же не хотелось, чтобы прислали несимпатичных ребят,

поэтому выбирал такого, с кем легко установить контакт. Парень звезд с неба не хватал, очень шумный, но звездящие и тихони находятся на пике собственного величия, с ними труднее ладить, ибо данный вид не убил в себе следователя.

После душа Тамара расчесывала волосы перед зеркалом

И вдруг заметила в отражении… странно, это были перемены! Ожил взгляд, румянец откуда-то взялся, свежесть, а не тоскливо-унылая мина на нее смотрела, и легкая улыбка вместо опущенных вниз уголков губ. Неужели обычная пробежка способна так изменить? Энергии больше вместо усталости с утра, появилось желание начать что-то делать вместо лежания на диване пусть и с книжкой, но это все-таки пассивное времяпрепровождение. Она понравилась себе в зеркале, а благодарить надо нового знакомого.

Павел просто извел, настаивая бегать вместе с ним, и Тамара подумала: а почему бы нет? У нее такие однообразные дни, иногда ей казалось, будто она умирает от какой-то болезни, сил не хватало ни на что с самого утра. К врачу за помощью не шла, смирившись с медленным умиранием, так почему бы не разбавить однообразие утренней пробежкой?

Однажды в парк Тамара пришла в спортивном костюме, кроссовках, с бутылочкой воды в кармане. Оказалось, это приятная штука – просто бежать по аллеям ранним утром в пустом парке, дышать, оживать. Тут тебе листва спорит с солнцем, кто главней, тут небо, по сторонам желто-оранжевые кусты, а там – дорожка и на ней никого, кроме таких же бегунов, но редких. Анализ собственной внешности и новых

впечатлений внезапно прервал радостный мужской голос:

– Девчонки!.. Ау!.. Встречайте!.. Ну, где же вы?..

Неохотно Тамара двинула в прихожую, там уже на шее отца с визгом повисла Анюта. Ролан увидел жену, чмокнув дочь в щеку, он отстранил ее в сторону и отдал небольшой розовый пакет, полосатый (большой) остался в его руке.

– Дорогая… – произнес он, раскинув руки, и пошел к жене, которая стояла в дверном проеме, облокотившись плечом о косяк. – Мои любимые девчонки…

Ролан обнял ее, расцеловал в обе щеки, нос, голову, шею… Отстранил от себя, вглядываясь в лицо, словно немножко подзабыл черты, и сейчас вспоминал, одновременно любуясь, затем приложился губами к губам жены. Тамара высвободилась, на что муж с обидой протянул:

– Ты не рада мне?

– Ой, перестань, – поморщилась она, почему-то поежившись, словно от холода. – Просто ты так часто уезжаешь… я привыкла, что тебя нет дома, даже отвыкла от тебя. Завтракать будешь?

– Конечно! – радостно воскликнул Ролан. – Я же голоден! В самолете кормили, но такая дрянь, скажу тебе… не стал портить здоровье. О! Это тебе.

Она взяла пакет, раскрыла и, не доставая, покивала головой:

– Платье. Цвет мальвы. Спасибо.

Холодновато приняла подарок, впрочем, жена ровно от-

носится не только к подаркам, ко всему на свете, словно она потеряла интерес к жизни.

– Ты не примеришь? – спросил Ролан.

– Позже, – улыбнулась Тамара. – Сначала кормежка изголодавшегося в командировке мужа.

Чем она могла порадовать его на завтрак? Взглянув на поставленную перед ним тарелку пшенной каши с тыквой, Ролан почесал в затылке, улыбаясь и сдвинув брови домиком.

– Извини, – развела руками жена, – я ждала тебя только через два дня. Вот масло, сыр, салатик. Колбасы нет, не покупаю в твое отсутствие.

Вздохнув, он взялся за ложку, но тут сзади его обхватила за шею дочь с воплем безумного счастья:

– Папуля! Спасибо! Как я тебя люблю! Очень-очень-очень…

– Чем вызван приступ любви у нашей дочери? – поинтересовалась Тамара все той же ровной и бесстрастной интонацией.

– Смотри! – Анечка повертела смартфоном. – Новенький! Самый-самый! Все умрут от зависти.

Она плюхнулась на стул, отодвинула тарелку с кашей, стала намазывать масло на тостер, посылая родному папе счастливые улыбки. Мама не разделила ее счастья, подперла скулу ладонью и смотрела по очереди то на дочь, то на мужа. Они похожи, кроме бровей – брови мамины. Аня не унаследовала от Тамары изящной фигуры, вес превысил норму, округло-

сти девочку не портили, напротив, она очаровашка, эдакий образец эпохи Возрождения… И вдруг Тамара заметила на личике дочери необычную яркость, подавшись вперед, присмотрелась – ошибки быть не могло, мама пришла в ярость:

– Это что такое?.. О, боже, косметика! Ха! Нет, посмотри на нее, – толкнула мужа в бок Тамара, – ресницы, губы… даже румяна!

– Я совсем чуть-чуть, – потупила глазки дочь.

– Сейчас же умойся! – рявкнула Тамара.

– У нас в классе все красятся, – начала акт сопротивления Аня.

– А ты не будешь до восемнадцати лет.

– Па, ну скажи ей…

– Разумеется – па! Чуть что – па! На этот раз папе лучше помолчать, я не позволю тебе выйти из дома раскрашенной, как матрешка. Встала и пошла в ванную! Я кому сказала!

Не спуская с отца глаз, Аня медленно поднялась со стула, но папа не вступился, он уткнулся в тарелку. Девочка, пыхнув, отправилась умываться, едва не свалив стул и намеренно топая, как слоненок, тем самым выражая протест.

– Дожили, – заворчала Тамара, – не успела от горшка попку оторвать, а уже показывает свое фе!

Ролан всегда смягчал недоразумения между женой и дочерью, конфликтов как таковых раньше не было, но вот началось. Накрыв своей ладонь жены, он выступил в роли миротворца:

– Ты слишком строга. Ну, правда, Тамарочка, времена меняются, темпы ускоряются, дети взрослеют раньше…

– Вот этого не надо! – высвободив руку, резко бросила она. – Наша дочь и так старше четырнадцати выглядит…

– Пышечки в юном возрасте всегда выглядят старше, – вставил он, считавший свою дочь совершенством.

– Вот-вот! Так наша Анюта решила добавить себе возраст косметикой. Интересно, для кого старается? В четырнадцать-то лет! Очнись, папа!

– Ну, не шуми. Все, все… – Он поднес кисть руки Тамары ко рту и чмокнул. – Аня идет, не продолжай, ладно?

– Вечером обязательно продолжу, – прошипела жена.

Дочь уселась на свое место, молча проглотила завтрак, так же, ни слова не говоря, ушла, чуть громче положенного хлопнув входной дверью. Ей на городскую олимпиаду по физике, это гораздо интересней, нежели торчать на уроках, к счастью, Анна училась на пятерки, что иногда смягчало строгость матери.

Итак, дочь ушла и… какая-то пауза возникла… натянутая, неловкая, будто Тамара в чем-то виновата. Она переплела пальцы, опустила кисти на стол, между ее рук стояла чашка с недопитым кофе, туда и смотрела. Снова ладонь Ролана накрыла ее пальцы, следом Тамара услышала его проникновенный голос:

– Если б ты знала, как я соскучился…

Она подняла глаза на него и улыбнулась, но не произнес-

ла: «я тоже». Тамара никогда не говорит этой ответной фразы, давно не говорит. И сейчас смотрела в лицо мужа, в его стальные глаза, и видела в них что-то незнакомое, далекое, чуждое ей. Переход от любви к равнодушию не вчера произошел, не год назад, даже не три и не пять. Просто дни, недели, месяцы, годы текут в темпе растопленного сливочного сыра – он жирный, бесформенный, медленно растекается, рождая безразличие ко всему… как-то так.

– Спасибо, любимая, – сказал Ролан, поднимаясь. – Я в душ.

Она привычно убрала со стола, подошла к окну и, ненароком бросив взгляд вниз, задержалась на площадке перед домом. Там пусто. И внутри пусто.

К шее у самого плеча прикоснулись горячие губы, отчего пробежали мурашки, только не от накатившей страсти после недельной разлуки, а от непонятных ощущений. Меланхолия, наверное, накрыла, в девятнадцатом веке это была распространенная болезнь. Тамара повернулась к мужу лицом и теперь совсем близко, словно через увеличительное стекло, увидела его глаза, они не улыбались. А Ролан улыбался. Глаза колкие и холодные, а улыбка широкая и добродушная, но руки, державшие ее за плечи, вялые… Как все это сочетается?

Внезапно ее ударило: она не верит ему! Не верит улыбкам, ласкам, радости от встречи, словам… Собственно, не в том проблема, положение хуже: она не знает – почему не

верит! Абсурд какой-то! Нет оснований не верить или, если уж быть точной, в чем-то плохом подозревать Ролана. Вообще-то, Тамара не в состоянии определиться, что именно в ее понимании есть плохое. Нелепица. Путаница. Она докатилась до маразма!

Ролан чмокнул ее в щеку, а потом пылко-страстно присосался к губам, сжимая плечи руками, как клешнями. Кажется, секса не миновать, а Тамаре совсем не… не… не…

Феликс пальцами обеих рук массировал голову

А физиономия… одним кислым выражением обрубил всякую надежду у Терехова. Опер смотрел на обилие материалов перед ним на столе, слушая предысторию, его ведь не было на месте обнаружения трупа, а потому понадобилось время, чтобы упорядочить в голове услышанное. Тем временем Павел, не скупясь на подробности, одновременно раскладывал перед ним фото девушки с пустыря, закончил снимками из морга.

– Ну, Конопля неплохо поработала, – вывел, наконец-то, Феликс. – Обычно у нее понтов много, дело на нуле.

– В смысле? – не понял Павел, а он обязан понимать все, что делается вокруг, и разбираться, кто есть кто. От этого зависит успех в работе.

– Спец она неважный, – делился впечатлениями Феликс, – ее вытягивают, да тот же Покровский питает отцовскую страсть к малообразованным девам с высшей бурсой. Нет, Оля старается, этого не отнимешь! Просто ужас как старается, лучше бы поменьше… Значит, Паша, ты считаешь, девчонку убили?

– Не сомневаюсь, – уверенно ответил тот. – А ты – нет?

– А я не знаю. Может, это какой-то новый кайф – засадить ширик в башку, но дозу не рассчитали, как случается сплошь

и рядом. Когда поняли, что девчонка доходит, решили быстренько избавиться от нее, ничего лучше не придумали, как выкинуть подальше на пустырь. Не ново, ей-богу.

– От этого вина не становится меньше. Не буду спорить насчет убийства, хотя для меня это очевидно, но не исключаю, что прав ты с Ольгой, поэтому! Нам надо из нулевой по всем показателям находки понять хотя бы приблизительную картину, что именно происходило с девушкой. Следует определиться, с чего начать поиски преступников и в какую сторону делать первый шаг.

– Версии не на чем строить.

– Ну, первая уже готова – твоя: передозировка, парни подумали, что девушка скончалась, с испугу решили избавиться от трупа.

На минуту Феликс снова задумался, разглядывая фотографии и не трогая их руками, словно брезговал прикасаться, но это, конечно, не так. На самом деле он копался в памяти – слышал ли когда-либо о таком странном способе получения кайфа? На собственном опыте знал: не всегда видимое есть истинное, потому с сомнением пожал плечами, тем не менее согласился:

– Ладно, пусть будет первой версией – случайный передоз. Вторая убийство… Вообще-то, Паша, добровольное согласие на генг-бенг, то есть на случку с несколькими половыми партнерами, нужно исключить. На это могла пойти девица, практикующая секс с первого класса начальной школы, а на-

ша дожила почти до седых волос и всего лишь за неделю до смерти…

– И синяков не было бы никаких, будь она такой сексуально озабоченной, – дополнил Павел.

– Ну, не скажи, – нежданно возразил Феликс. – А садо-мазо? Это же святое у пресытившейся креативной поросли.

– Ты сам себе противоречишь, – заметил Терехов.

– Да? Ладно, садо-мазо не наш случай. Приблизительная картина, говоришь? Ну, давай подумаем… Итак, версия «знакомая». Знаешь, даже хорошо знакомая девушка вряд ли согласилась бы на групповуху, особенно после недавнего первого опыта, но и насиловать знакомую опасно, да? Она способна обратиться в полицию и указать на конкретных ублюдков.

– Это как раз убедительный мотив, чтобы убить.

– Верно. Но как возможно насилие без сопротивления? – взмахнул руками Феликс. – Одних запястий и щиколоток маловато.

– Ты повторяешь Ольгу слово в слово.

– Надо же! – вытаращился опер. – Это плохой признак. Для меня, разумеется, это значит – мои мозги усыхают. Но вернемся к версиям. На очереди «незнакомка». К примеру, два подонка надумали выловить жертву на улице и ездили по городу, наконец, на пустой улочке подцепили девчонку… Вот блин!

– Что опять не так? – поднял брови внимательно слушав-

ший Павел.

– Да все то же! Скажи, каким образом ее затащили в машину, не оставив на теле следов? К незнакомым парням она не села бы, а?

– Дурочек на белом свете тоже перебор, – заметил Павел. – А если на охоту вышел один?

– Ну, тогда обаятельный и привлекательный говорун должен быть.

– Вроде тебя?

– Не, что ты! – заливисто рассмеялся Феликс. – Сейчас одним фейсом не возьмешь, прикид у меня хреновенький, машина – отстой, старье. А девочка, если верить Марихуане, имела богатую жизнь… Слушай, я бы сроду не догадался по ногтям и волосам о социальном статусе. Короче, должен быть такой мэн, чтоб автоматически вышибло мозги вместе с памятью, одетый, как манекен в бутике, внушающий с первого взгляда, с первого слова, с первой улыбки…

– Ты увлекся.

– Вот тогда она, с отвисшей челюстью, как зомби могла залезть в машину типа покататься. И подцепить ее он мог в баре, к примеру. Ну, а когда девочка очутилась в квартире и увидела, что там еще пара пацанов… Я бы на ее месте сразу очнулся от иллюзий и, заподозрив ловушку, кинулся к выходу… За ней бросились бы пацаны… В таком случае где кровоподтеки?

– Угу, а девушка дала себя раздеть и привязать, сопротив-

лялась конечностями уже привязанной. Ничего не складывается. И моя фантазия спит.

– Стало быть, убогий у нас с тобой сексуальный опыт.

Феликс подпер щеки обеими ладонями, опустил глаза на фотки, а их много – в три ряда и на всю длину столешницы. Пришлось повернуть голову вправо-влево, попутно у него родилась мысль, но высказал ее он неуверенно:

– Знаешь, Паша, в бессознательном состоянии спокойно могли раздеть, привязать и прочее. Но надо усыпить как-то… например, хлороформом.

– Подходит, – не раздумывая, согласился Павел. – Потом очнулась, стала высвобождать руки – вот тебе и гематомы в виде колец на запястьях!

Одно огорчало Терехова: опять не он дошел до такого простого вывода, надо бы ему поменьше думать, как и чем поразить коллег, а заниматься исключительно делом.

В то же время Феликс, теперь уже взяв в руки снимки, на которых запечатлена затылочная часть с обведенным фломастером местом укола, распределил их в руке веером, как карты. Павел догадался, что за тараканы бегают под черепом опера, на этот раз он готов ответить на все вопросы, если таковые возникнут, они и возникли:

– На основании следа от инъекции ты решил, что ее убили?

– Не только. Хотя место инъекции, ну, о-очень нетипичное. Выбрасывая полутруп, преступники были на сто про-

центов уверены, что тело долго не обнаружат, за это предположение – сам пустырь, куда не ступает нога человека. И сорняки густые, полно даже на полтора метра в высоту. Пустырь наиболее подходящее место, чтобы избавиться от тела и сопутствующих проблем. Девчонку с трассы не заметить, несмотря на то, что дорога расположена намного выше низины, преступники и оттащили тело подальше от проезжей дороги. Труп мог пролежать месяцы, или дикие голодные собаки растащили бы в два счета.

– Недели достаточно, – вставил Феликс – Вонь пошла бы такая, что жильцы близлежащих домов при соответствующем ветерке сами кинулись искать источник. Днем-то тепло у нас, холодов не обещали…

– Вот-вот, – заерзал Павел, радуясь, что имеет дело с профессионалом, который понимает с полуслова. – Разложившееся тело не так-то легко поддается исследованию. Ну, выделят психоактивную дрянь, а определить точно, как та попала в организм, было бы уже проблематично.

– Верно, – подтвердил Феликс. – Между корней волос искать след от ширика не стали бы, да и вряд ли он сохранился при плюсовой погоде.

– Кстати, Ольга и сейчас ломала голову, каким образом наркота попала в организм. Покровский подсказал поискать в труднодоступных местах на теле.

– Конечно, Покровский, кто ж еще! – кинув снимки на стол, разочарованно протянул Феликс. – А я уж думал, ма-

дам Каннабис сама дошла.

– Не придирайся. Какая разница, кто догадался? Главное, след на затылке является неоспоримой уликой, доказывающей, что труп на пустыре по факту убийство. Плюс насилие. Не исключено простое, как тапок, похищение. Кстати, преступники умно поступили, выкинув девушку без одежды. Одежда – всегда улика, на ней могли остаться волосы, потожировые, на обуви частицы земли последнего местонахождения… и так далее. Это еще одна причина за убийство.

– Ладно, что делать, начальник, бум? – пошутил Феликс.

– Не ясно, почему не хватились убитой, но, как предположила Ольга, девушка наверняка учится в одном из учебных заведений города. Подбери помощника, чтобы нескучно было, выбери фотку из этих не очень страшную и вперед по институтам, колледжам, лицеям.

– Понял, – подскочил со стула Феликс.

– И сделай запрос, может, это не первый случай подобного убийства, страна-то большая, есть где развернуться! Плохо спрятанные трупы, частенько и хорошо спрятанные, всегда выползают из укромных мест, попадают в базу данных, потом ждут, когда хотя бы частично будут отомщены.

Распрощавшись, Павел после ухода Феликса катал пальцем по столу карандаш, подперев голову ладонью, и думал о версиях, глядя на фотографии, которые теперь лежали в беспорядке. Собственно, в мыслях тот же беспорядок…

Часть вторая

«Что в имени тебе моем?» – «Все!»

Тихонечко повернула ключ, чтобы не щелкнул замок… Но щелкнул, черт бы его побрал! Приоткрыв дверь, Искра, зачем-то придерживая длинные пряди «гофрированных» волос, сначала просунула голову в прихожую и прислушалась…

Тишина. Искра надеялась, нет, была уверена: родители спят крепко и не узнают, когда дочурка притащилась домой. Раннее (очень раннее) утро как-никак, а предосторожности… ну, это на всякий случай. Войдя в квартиру, Искра так же тихо, но теперь придерживая пальчиком язык замка, закрыла входную дверь… Он опять щелкнул – этот проклятый замок! У матери слух… она эхолот, а не человек. Но обошлось, щелчок не разбудил родителей – и прекрасно. Искра сняла туфли, после на цыпочках пробиралась в свою комнату…

– Искра! Сюда иди! – раздался из гостиной голос папы, совсем не сонный голос. – Живо!

Дочь упала спиной на стену и закатила глаза к потолку. Она не боялась родителей, еще чего. Просто не любила этих сотрясений воздуха, состоящих из упреков, поучений, сто-

нов, взмахов руками с зажатыми таблетками в кулачках. Ну, если честно, они особо не повышали голоса на единственную и ненаглядную, только ведь нотации со слезами – это почти одно и то же. Родители любят Искру так сильно, что зачастую дочь тошнит от их сюсюканий, от слез и стонов, от опеки на каждом шагу…

– Искра! – снова рявкнул папа.

Ого! Папа зол?! Вот так новость! А почему, собственно, не слышно мамы? Искра прислушалась, но даже пыхтения-дыхания пополам с всхлипываниями не расслышала – почему? Мама всегда на стороне дочери, а папа делает, как хочет мама, обычно он робко погрозит пальцем дочурке и успокоится. Нет, папа не подкаблучник, просто не любит ссоры, и вдруг эта гроза в голосе – откуда? Ладно, сейчас посмотрит, как они оба сдуются. Искра оттолкнулась от стены, тряхнула головой, откидывая мешающие пряди, и решительно вошла в гостиную.

Мама тоже тут (ура, ура!), и кажется, родители вообще не ложились – оба одеты в обычную, даже не домашнюю одежду. Странно, что мамуля не шикнула на папулю, когда он резко рявкнул: «Искра! Сюда иди! Живо!»

Мать стояла, облокотившись о спинку кресла, в котором сидел Георгий Данилович – невзрачный, лысоватый, скромный бухгалтер в старомодном пиджаке. Но люди говорят, он супер, в смысле, специалист супер, поэтому его на части рвут, бизнесмены жаждут заполучить папу, который ни разу

не догадался познакомить дочь с одним из них.

Искра остановилась перед ними, досадуя, что предстоит отнять целых полчаса от подушки и сна: она же обязана выслушать, как именно они беспокоились. У мамы страдальческое выражение, такое комичное – хочется хохотать. Мама как бесформенная кукла на чайник, одевается – просто жуть: наряды с цветочным принтом, причем цветочки с человеческую голову и обязательно яркие. И нос большой – наследство грузинского дедушки. Господи, что папа, что мама… оба такие непрезентабельные, невыразительные, некрасивые, непонятно – каким образом у них получилась богиня-дочь?

– Где была? – тем временем спросил папа, сведя к переносице надбровные дуги, бровей у него как будто нет, они выцвели или вылезли.

– Я? – подняла свои чудо-бровки дочка и стрельнула глазами в маму, мол, что за спектакль с воспитанием? А мама молчок. – Ну, я… мы немножко засиделись… с девчонками…

– Поэтому после посиделок ты причесаться забыла? И пуговки застегнула на платье неровно – одна пола выше другой! Так где же ты шлялась?

У Искры глаза на лоб полезли – ее скромный, тихий папа, не умеющий грубить, а ругательных слов вообще не числилось в его лексиконе, бросил – «шлялась»! И кому! Родной, любимой, единственной дочери! От шока Искра не со-

образила, что родительский лимит терпения исчерпан, она по привычке наехала на отца:

– Папа! Как ты можешь так говорить! Мама, скажи!

– Молчать…

Одно слово, всего одно, но Георгий Данилович произнес его внушительно, хоть и тихо, да с такой болью, такой горечью и безысходностью – невольно у доченьки челюсть отвисла. Она вновь перевела взгляд на маму, ища у той поддержки. Сейчас начнется… Но мама опустила глаза, закусив нижнюю губу! Не-а, поддержки не будет, это более чем странно, это нонсенс.

– Ма-а… – протянула доченька, чувствуя перемены в худшую для нее сторону. – Не поняла, в чем дело? Я взрослая девочка, мне двадцать один…

– Ты сопля! – посмел оскорбить ее папа. – Сопля, у которой нет ни совести, ни знаний, ни обязанностей, ни благодарности, ни элементарных человеческих чувств. Зато вдоволь патологической любви к себе, наглости, хамства, тупого эгоцентризма.

Лучшая защита – нападение. Искра применяла данную тактику интуитивно, не настолько она умна, чтобы действовать сознательно, воспользовалась и сейчас из чисто оборонительных целей:

– Прекрати! Ты что себе позволяешь?! Я не какая-то там…

– Я позволяю?! Я?! – резво, как ужаленный, подскочил

папа. А дальше он попросту стал орать, весь побагровел, надвигаясь на ошеломленную дочь, отступавшую к стене. – Это ты мне?! То есть дочь приказывает отцу заткнуться, что бы она ни творила?! Но одевать, кормить, деньги давать обязан я?

Искра зажмурилась и втянула голову в плечи, ведь папа замахнулся! Тут уж мама не выдержала, однако не единственное чадо защищать кинулась от узурпатора, а к мужу. Поглаживая его по плечам, она уговаривала его:

– Жора! Жора, прошу тебя, не надо так, у тебя давление… Поспокойней, ладно? Жора, пожалей себя…

Папа медленно опустил руку, тяжело дыша, а в глазах одно бешенство (по мнению напуганной Искры), и его уже было не остановить. Георгий Данилович слишком долго терпел обеих своих баб, его разочарование глубоко и болезненно, ему теперь хотелось все высказать за долгие годы молчания и мучений с ними:

– Медея, мы кого с тобой произвели на свет? Это же чудовище! Может, нам ее подменили в роддоме? Посмотри, как она с нами разговаривает – как с прислугой, которой платит зарплату! Ты ничего не попутала, Искра? Ты содержишь нас, не я вас обеих? У меня пять предприятий, пять! Я работаю без выходных, праздников, отпусков, потому что моя дочь знает одно слово – да-а-ай! Мне это слово плешь пробило. Да-а-ай! Или истериками доканывает, когда «дай» не получает. А ты!..

Георгий Данилович резко развернулся к жене, та от одного взгляда своего тихого мужа отпрянула назад, вытаращив глаза на перекошенном страданием лице. Никогда Медея Андроновна не видела его таким гневным, она боялась, он умрет, потому с мольбой сложила руки:

– Жорик, умоляю, не нервничай. Да ну ее к чертям собачьим!

– Меня к чертям собачьим? – пискнула ошеломленная Искра.

– Ты всегда потакала нашей дочери, ты вырастила это! – выбросил папа в сторону дочери руку. – А мне было стыдно! За вас обеих! Строите из себя… графинь с огорода! А как перед Митей было стыдно… провалиться сквозь землю хотелось!

Мда, Митя… Бойфренд Искры – красивый (разумеется!), умный, главное, перспективный. Он предложил ей свою квартиру и через три месяца, подкопив денег на свадьбу, пожениться, если… они подойдут друг другу. На будущую супругу возлагались определенные обязанности, а претендентка не только ничего не умела, но и не желала ничегошеньки делать, к тому же оказалась истеричкой. В общем, испытание бытом Искра не выдержала, Митя собрал ее вещи и привез девушку к маме с папой на перевоспитание. Сказал, что красота проходит, как и страсть, а остаются уважение, долг, обязанности. Хочется приходить домой, где порядок, вкусная еда и ласковая жена. Пообещал забрать Искру, но по-

сле экзаменов на пост жены – готовка, уборка, глажка, обязательно испытательный срок на его территории. Если Искра справится, он честно женится, ему нужна красивая и воспитанная жена. После того случая папа как-то сник, видя, что дочь никакого желания измениться не проявляла, а ушла в загул.

– Ладно, папа, я больше не буду, – придя в относительное равновесие после шока, решила поставить точку дочь. Ведь главное пообещать, а выполнять не обязательно. – Ну, правда, засиделись и не заметили, как время… Я пошла к себе, ага? Спать хочется.

Не встретив возражений со стороны родителей, Искра отступала к выходу и юркнула за дверь, слыша из гостиной фразы папы, брошенные, конечно, ей:

– Работать пойдешь! Больше ни копейки не получишь, пока не научишься зарабатывать и тратить свои, а не мои.

Искра ухмыльнулась, поднимаясь на второй уровень. Работать… на какого-то козла? Красивая женщина создана не для работы, а для праздника, который обязан обеспечить крутой мэн. В своей комнате Искра растянулась на кровати, не раздеваясь, сладко потянулась и прикрыла веки, улыбаясь. Ой, какой вечерок был… не с Митей, с другим. Митьке выпад с ее возвратом «на родительские хлеба», как он по-идиотски выразился, она вернет, когда тот будет в ногах валяться. У него какие-то понятия из прошлого века: дом, семья, дети, обед. На фиг, на фиг, только она будет устанавли-

вать правила.

А в гостиной Медея Андроновна лихорадочно капала из пузырька в стакан капли, муж полулежал в кресле с видом несчастного раба, которому не удалось восстание. Жена подплыла к нему и протянула стакан:

– Жорик, выпей.

– Не хочу, – отвел он ее руку.

– Жорик, умоляю, выпей… – дрогнувшим голосом попросила Медея Андроновна. – Это по-старинке: валерьянка. Успокаивающее. Безвредное.

– И бесполезное.

Взглянув на жену, Георгий Данилович сжалился (по натуре он добрый, отходчивый человек) и таки выпил дурацкую валерьянку, после, поставив локти на колени, свесил кисти вниз и опустил голову. Он понимал, что огорошил дочь сегодня резкостью, это ненадолго, завтра она придет в себя и, придумав изощренный план мести, пойдет в наступление, вооружившись обидами, претензиями, обвинениями. И заговорил хрипло, его слова пропитались горечью:

– Мы думали, у нас искра божья родилась, вот и назвали – Искрой. Это же свет, радость, счастье, гармония. А вырастили бездушное чудовище!

– Помимо нас есть школа, институт, друзья…

– Мы – ладно, – не слушал жену он, – мы заслужили, но дочь наша всем будет портить жизнь.

– Меня сейчас волнует твоя жизнь. Как чувствуешь себя?

– Нормально, – буркнул он. – Не умер же. Если не хочешь, чтобы я умер, не иди у нее на поводу, обещаешь?

– Да, да, обещаю. Как скажешь, так и будет, только не нервничай.

– Идем спать. У меня завтра… то есть сегодня трудный день.

И то верно, пора хоть немного забыться сном, уж и рассвет заполз в комнату, не обещая перемен к лучшему.

Тамара замедлила бег, оглянулась и рассмеялась

– Все, все… сдаюсь! – сказал Павел. – Ваш темп не для меня.

Он согнулся пополам, взялся за колени руками и тряс головой, всем своим видом показывая, как сильно устал, просто выдохся. Тамаре пришлось вернуться, но она не остановилась, нарезала круги вокруг него, не проникшись сочувствием:

– Вы большой-большой врун. Специально позволяете обгонять вас, да? Чтобы повысить мою самооценку? Она у меня и так в норме. Знаете, Павел, вы ошиблись в выборе профессии, вам надо было на психолога учиться.

– Думаю, это ваше заблуждение.

– Нет, нет! – рассмеялась она, радуясь, что лихо раскусила уловки этого симпатичного человека. – У вас прекрасная физическая форма, а у меня запущена.

– У вас запущена? – закряхтел Павел, выпрямляясь. – Вы чересчур скромны, я бы сказал, бегаете, как лань, к тому же грациозно.

– И льстец к тому же. Ноги у вас длиннее, вы вообще выше, но… отстаете? Хм! Ой, Грета!.. Фу! Что она уже нашла?.. Фу, я сказала!..

Тамара рванула к собаке, от которой в высоком сухостое

осталась видна полоска спины. Грета даже обрубком хвоста не вильнула, она в ускоренном темпе что-то грызла, и это что-то было явно безумно вкусным. Лакомством оказалась грязная протухшая кость, но большая, собака, заметив бегущую к ней хозяйку, поволокла сокровище прочь, да не унесла далеко. Тамара ухватилась за кость, Грета не отдавала, тихонько рыча и напоминая хозяйке, что она все-таки собака, а не диванная подушка. Помог отнять «деликатес» и закинуть подальше Павел. Другая псина ринулась бы догонять улетающий завтрак, а Грета побежала в обратную сторону – на дорожку, по которой бегала каждое утро хозяйка.

Тамара и Павел отправились вслед за собакой медленным шагом, не завершив пробежку. Последние дни сентября выдались тихими, безветренными и не холодными, но уже и не теплыми. Солнце мягкое, ласковое, не хотелось уходить из парка, теряющего последние напоминания о лете. Но… молча идти как-то неправильно, Тамара, украдкой взглянув на Павла, который тоже любовался осенью, заговорила о своей собаке, другой темы не подобрала:

– Вот скажите, чего не хватает этой дрянной девчонке? Ни у одной собачьей королевы нет в миске деликатесов, которые я ей покупаю.

– Вероятно, ей не хватает острых ощущений, она ведь женщина, – пошутил Павел. – Кстати, обычно нам не удается поговорить, мы все бегом да бегом. Можно спросить, как у вас дела?

– Дела? – озадачилась Тамара. – Нет у меня никаких дел. Дни похожи, время идет ровно, у меня… да, у меня все есть. Наверное, мое безделье называется счастьем. А вы как?

– А у меня стоячее болото, – вздохнул он. – Четвертую неделю работаем по убийству одной девушки и до сих пор ничего не знаем о ней.

К этому времени ему пришлось сознаться, что он следователь, когда Тамара хотела получить юридическую консультацию по бытовым вопросам, в которых Павел ни бум-бум.

– Девушка убита? – огорчилась Тамара. – Как ужасно.

– Согласен, ужасно.

– А сколько ей было?

– Лет девятнадцать.

– Совсем юная. И кому понадобилось убить ее?

Павел вкратце рассказал, как нашли девушку, в чем заключаются трудности поисков ее родных и преступников – все это тайной не являлось, чай, не шпионов ловит. А вот слухи… о, слухи – штука магическая, распространяются и развиваются по собственным неведомым законам, иной раз совершенно неожиданно можно получить нужную информацию практически из ниоткуда.

– Неужели вы ничего об этом не слышали? – закончил он скупой рассказ провокационным вопросом.

– Нет, – сказала Тамара. – Я ни с кем не общаюсь, откуда было услышать? Как же много стало злых людей…

– Злой человек не так страшен, Тамара. Да-да, не смот-

рите на меня с удивлением, словно я показал вам обратную сторону луны. В сущности, он не столько другим докучает, сколько себя угнетает, только до него такой простой расклад его же проблем не доходит. Тот, кто идет на тяжкие преступления, иного порядка, это особая порода – дьявольски, патологически лютая. Но вы правы, порода разрастается и становится проблемой. Эта порода противопоставляет себя чуть ли не всему человечеству, свои комплексы считает плюсом, мнит себя равными Богу, окружающие для них – корм. Неважно, что за корм нужен – деньги, похоть, власть, кровь. Средствами не брезгуют: отнять, убить, оболгать, предать – разрешают себе все. И не дай бог, если они уверены в безнаказанности…

Он настолько увлекся рассуждениями, что забыл про Тамару, видимо, «стоячее болото» – расследование без сдвигов – засасывало его в безнадежную топь. Она чутко уловила состояние Павла, и хотя слушала его с интересом, но давно научилась жить с одинаковым успехом в двух параллельных мирах: в себе и во внешней среде. Поскольку он оборвал фразу, Тамара закончила:

– …лучше не попадаться им на пути?

– Это тоже.

– Тоже? А что же еще?

– Понимаете, эти так называемые люди мало того, что психически нездоровы в моем понимании. Обычно они имеют добротную крышу, под которой живут вольготно и творят

беспредел. А вот это, Тамара, действительно страшно.

– Вы боитесь?! Вот уж не могу поверить.

– Мы подошли к вашему дому. До завтра?

Павел протянул руку, Тамара с удовольствием пожала ее, но не смогла сдержаться, чтобы не посочувствовать ему:

– Вам тяжело работать следователем, у вас тонкая натура…

– Вовсе нет, – рассмеялся он. – Вы меня не так поняли. Работа мне нравится, я же потомственный следак, только еще ничего стоящего не сделал, а хотелось бы похвастать. Обидно!

– У вас все получится, – заверила она. – До свидания.

Поднимаясь на этаж, Тамара улыбалась, вроде бы и повода не было, но после утренних пробежек немножко рассеиваются тучки серых будней – вот что значит физическая нагрузка. Она открыла своим ключом, пропустила в квартиру Грету, войдя в прихожую, затормозила:

– Ты? Так рано?

В дверном проеме стоял муж в халате, опираясь рукой о косяк выше головы, вторую руку держал на поясе – поза недовольного барина, отметила про себя Тамара. И стухла. Нет, она не могла освоить, что происходит внутри нее: то ли кризис, то ли усталость (только от чего?), то ли психологическая чертовщина.

– Рано? – усмехнулся Ролан. – Вообще-то мне в командировку… ты забыла? Собраться надо бы, ты не находишь?

– Я помню, твой чемодан собран, – снимая кроссовки, бросила ему Тамара. Заметив, что собака намылилась в комнаты, прикрикнула: – Грета, куда пошла? Живо в ванную лапы мыть!

Грета развернулась и, опустив нос к полу (не любила мыть лапы), поплелась к ванной, у двери тявкнула – та была закрыта. После ванной Тамара хозяйничала на кухне, готовя завтрак, как в ресторане – у каждого члена семьи свое блюдо: для дочери бутерброд необъятных размеров (к сожалению, другую еду дочь не станет есть, особенно при папе), для мужа – кусок мяса, для себя… что-нибудь, когда оба уйдут, а до этого чай сойдет.

Первой прилетела дочь, схватила многослойный кошмар и врезалась в него зубами, жмурясь от удовольствия и мурлыча, как котенок. Пожаловал и бодренький папа, Аня, времени не тратя даром, стала клянчить:

– Папочка… Папуля…

– Что, моя хорошая? Ну, выкладывай давай…

– Купи мне джинсы скинни и «Ньюбеланс». Пожа-а-алуйста…

– Джинсы понятно, а второе что? – озадачился папа.

– Кроссовки, – скромно потупилась дочь.

– От шести до десяти тысяч, – назвала стоимость Тамара. – Аня, зачем тебе третья пара кроссовок, если ты не занимаешься спортом? Я предлагала хотя бы бегать со мной, тем более твоей фигуре бег пойдет на пользу, но ты же ленива.

– Мамуля, не надо… – накуксилась Аня.

– Привезу эти твои нью… – пообещал добрый отец. – Напиши.

– Па-а-па!!! – кинулась дочь обнимать его.

После поцелуя в щеку дочурка решила, что благодарности предостаточно, и убежала в школу, прихватив остаток бутерброда, завернутого в салфетку, мол, по дороге доем. Наступила пауза, осложненная тем, что поговорить с собственным мужем не о чем, неловкая пауза. Тамара по неясным причинам все время ощущала неловкость, словно в чем-то виновата, но в чем? Впрочем, об этом она подумает, когда Ролан уедет, а сейчас ее одолевала тревога за дочь:

– Послушай, Ролан, нельзя исполнять все прихоти Анюты. Она уже не умеет ценить то, что достается ей, потому что не приложила к этому ни труда, ни любви.

– Дорогая, не начинай, – снисходительно хмыкнул он.

– Как это – не начинай? – слегка завелась Тамара. – Пойми, Аня не должна привыкать, что любой ее каприз будет исполнен. Ей жить среди людей, она должна учиться уважать чужой труд, в данном случае – твой, не требовать больше, чем ей надо. А она пытается копировать мажорных девиц…

– Пойми и ты, – перебил Ролан, ласково сжав кисть жены. – Во-первых, Аня хорошая девочка, добрая, отзывчивая. Ты плохих не видела…

– Хорошие, – перебила его Тамара, – часто становятся плохими, если их вовремя не ограничивать, не привлекать

к творчеству, не учить заботиться о ближних, как это ни банально звучит. А не так, как у нас: я запрещаю – ты разрешаешь, я говорю «диета», а ты – «кушай свой бутер, птичка». Из-за лишнего веса она выглядит старше, за ней ухлестывают взрослые парни, это неправильно.

– А во-вторых… – гнул свою линию он, впрочем, это не первый раз. – Когда моя Анечка смотрит на меня своими глазенками, я становлюсь беспомощным. Моя задача вас обеих баловать, я для этого живу, этим счастлив.

Он прижался губами к руке Тамары, глядя на нее с нежностью, как… Вот не подобрала бы она, с чем ассоциируется его нежность, особенно в глазах и выражении лица. От подобных порывов мужа становилось не по себе и неловко. Опять неловкость! Почему, почему? Что за комплекс она выпестовала в себе?

Неожиданно муж подскочил, бросив на ходу, что опаздывает, ему нужно еще в администрацию заехать, самолет во второй половине дня, домой не приедет… Хлопнула входная дверь, и Тамара с облегчением выдохнула. Нелепо, но когда муж уходит – она чувствует освобождение и… угрызения совести. Тамара подошла к окну и наблюдала за Роланом, как он сел в машину, потом выехал со двора. Ни разу не посмотрел на свои окна…

– Почему я не верю ему? – спросила себя вслух Тамара.

Наконец обозначила причину своей неловкости – не верит, да, не верит! Но не может сказать об этом Ролану, пото-

му что предъявить ему нечего, он ведь спросит: а почему? И что ответить? Глупость какая-то. Или примитивный психоз зажравшейся бабы?

Костюмы делали из подручных средств, увлеклись

СТЭМ, в котором числилась Настя, закрепили за праздниками, уж очень они здорово и остроумно провели вечер, на очереди ноябрь и смотр художественных коллективов. За любимым хобби время незаметно летит, вот и Настя очнулась, когда раздался звонок, посмотрела на смартфон – мама. Она отошла от компании за столами, чтобы ребята не слышали ор из трубки, ведь мать выражения не выбирает, а голос ее слышно даже без громкой связи:

– Ты где шатаешься, дрянь такая? Десять часов, а ее дома нет! Бары-рестораны начались? На мужиков потянуло?

– Мама! Я же говорила, у нас подготовка в колледже…

– Заткни рот и слушай сюда! Если через полчаса не придешь домой, можешь вообще не приходить, я тебя удавлю собственными руками.

– Меня обещали отвезти домой ребята, то есть папа…

– Ты глухая? Сейчас же домой, я сказала!

– Мама, тут весь курс костюмы…

Ничего не хотела слушать Роза, рявкнула: «Домой!» и отключилась от связи. Настя вздохнула и, едва не плача от обиды, стала собираться.

– Ты куда? – подскочила к ней подружка Оксана, беленькая, как снежинка. – Мы же не закончили, еще полчасика…

– Мать звонила, орала, что я не дома.

– Полчаса ничего не решат! – уговаривала Оксана.

– Не могу, – мотнула головой Настя. – Она пилить будет неделю, если сейчас же не поеду домой, а время вычислит, у нее счетчик в голове, как в компе.

– Нас же развезут, а ты за полчаса не успеешь.

К этому времени Настя уложила в сумочку ножницы, пакет с нитками и коробочку с иголками, повесила ее через плечо. Сверху набросила демисезонное пальто, вышла из лекционного зала, сбежала по лестнице и – к выходу.

А на улице ночь. Колледж в центре, здесь в это время море огней, автомобилей, народ бродит, жизнь кипит. И другая картина за городом: там тьма-тьмущая, к тому же далеко идти от остановки, опасно, а ведь ее подвезли бы прямо к дому. Настя, припомнив ор мамочки, всхлипнула:

– Ну и пусть меня убьют, плакать потом будешь.

Фразу адресовала, конечно, матери, жаль, что та не услышала. Однако надо поспешить, до маршрутки топать десять минут, потом ехать через половину города минут сорок – это если дорога будет свободная. Настя отправилась к остановке, утирая катившиеся по щекам слезы – жалко себя стало, ну, такая несчастная она… слов нет! Скорее бы колледж закончить, найти работу, чтоб за квартиру платить и на еду хватало, потом чемодан в зубы и – бегом от мамочки.

Маршрутка была полупустой, но чем ближе подъезжала Настя к своей остановке, тем больше тревожилась: все эти

разговоры про труп на пустыре не прошли даром, страшно одной идти. А дядя Вова! Настя достала смартфон, позвонила, умоляя высшие силы, чтобы он был трезвым. При нем мать не очень-то лютует, а если пьяный, его пушками не разбудить, в этом случае мама может и руки распустить. Не драться же с ней, в самом деле!

– У аппарата Ласкин, – услышала Настя трезвый голос.

– Дядь Вова, это я, Настя. Мать сильно злая?

– Как фурия, которой хвост отрубили.

– Я же предупреждала, мы к смотру готовимся, у нас большая программа, костюмы делали… а она… она…

Ни разу не всхлипнула, но Ласкин словно в телевизор смотрел:

– Не реви.

– Я не реву. Это маршрутка гремит…

– Ты в маршрутке едешь? А че не на машине?

– Так мамка велела срочно домой, слышать ничего не хотела!

Ласкин отлично знал характер жены, представив, как именно Розочка «велела», сплюнул в сердцах, значит, психанул. А Насте сказал обычным тоном, сейчас нужно успокоить девчонку:

– Дура твоя мамка и не лечится. Ты где сейчас?

– Подъезжаю к пустырю. Там так темно…

– Эх, раньше надо было звонить папе. Главное, иди маршрутом, что обозначил, помнишь? А я оденусь и навстречу

выдвинусь, не бойся, мина в одну воронку не попадает.

Легко сказать – не бойся, когда тебя стращали столько времени, внушая, что кругом одни бандиты, насильники, убийцы и подонки всех мастей.

– Ой, ой! Здесь остановите! – крикнула Настя водителю маршрутки.

Вышла на «мосту» – так неофициально местные называли часть дороги, возвышающуюся над низиной, дорога эта соединяет город и посад белых людей. Когда-то там тоже был пустырь, но с начала нулевых он активно застраивался коттеджами, превращаясь в несбыточную мечту обывателя. Странно, что туда ездят маршрутки круглые сутки? Ведь у каждого жителя «золотых гнезд» есть личный транспорт. Но они держат прислугу, вот для этой категории и пустили маршрутки, точнее, один номер, который вечером нужно еще дождаться.

Маршрутка поехала дальше к поселку «котов», вдоль которого можно было бы пройти, но там не просто бездорожье. «Коты» постарались создать массу неудобств, чтобы деревенские не вздумали даже приближаться: ни одного фонаря, свет только в усадьбах, которые отделили терновыми кустами.

Насте следовало вернуться немного назад – чтобы двинуть в обход пустыря вдоль частного сектора городской окраины. В это время здесь безлюдье и тишина, разве что собаки во дворах лают на случайных прохожих. И темно. Конечно,

фонарные столбы стоят на протяжении всего пути, но света от них – как от свечки в тумане. Спасибо полной луне, природный фонарь светил прямо над головой достаточно ярко, чтобы видеть дорогу, по которой идешь.

Настя сделала несколько шагов, как вдруг… По глазам ударил яркий свет фар, девушка зажмурилась и заслонилась рукой от света, слыша визгливый звук тормозов. Сейчас как врежется в нее автомобиль, а она потеряла ориентиры – вот куда теперь отступить, чтобы не свалиться с «моста» в низину и не попасть под колеса? К счастью, столкновения не произошло, Настя услышала, как хлопнули дверцы автомобиля, следовательно, он остановился вовремя, после раздался мужской голос, молодой и возбужденно-приветливый:

– Девушка, простите! Мы не ожидали встретить здесь людей, обычно уже в семь вечера никого нет… Сильно ослепили?

– Нет, нормально… Все хорошо…

Настя с трудом разлепила веки, поморгала и наконец рассмотрела мужчин – их было двое, они вальяжно шли к ней, кажется, улыбались. Что-то в них не понравилось сразу, возможно, это ночь виновата, место, безлюдье, всякие слухи и запугивание – будь бдительна, кругом враги девушек.

– Мы хотели бы загладить нашу вину, – сказал чернявый в джинсовом костюме с продолговатым лицом, на котором выделялся длинный подбородок. – Вы домой? Подвезти вас?

Оп-ля! Значит, подвезти. Ага, дуру нашли. А ситуация не

в пользу Насти: дорогу к городскому частному сектору перегородил автомобиль с приглушенным светом фар. Бежать к сектору богачей – риск, потому что догонят хоть на машине, хоть на своих двоих – оба выше, ноги у них длиннее, а у нее вдобавок каблуки.

С другой стороны «моста» заболоченная местность, там можно спрятаться среди кустов и камыша, плевать на жижу из земли и воды. Но дорога туда закрыта: ее загородил второй тип. Настя лишь мельком на него взглянула, и сердечко забилось в панике – этого голема не обойти, и силенок не хватит даже слегка сдвинуть с места. На лицо его легла тень от козырька кепки, отчего он казался совершенно зловещим.

– Спасибо, я уже дома, – выдавила Настя.

Господи, а голос… как из колодца.

– Ну, тогда давайте мы вас проводим до самого вашего дома, – настаивал первый, сделав рукой жест в сторону частного сектора или… своей машины. – Приятно немного пройтись пешком с красивой девушкой, поболтать с ней.

Ну, да, поболтать. Всего лишь. А прямо на пути стоит автомобиль, Настя будет проходить мимо, ее легко затолкают в машину. Коленки симптоматично задергались, наверное, это и есть поджилки, которые трясутся. А внутри все вопило-кричало: беги, спасайся, иначе умрешь! И эхо в голове твердило: умрешь… умрешь… умрешь… Но куда? Бежать куда? Некуда.

– Нет, знаете, я сама доберусь, – сказала она, не трогаясь

с места.

– Не бойтесь, мы добрые…

Он взял ее за локоток, Настя вырвалась:

– Руки убери!

– Выпендриваешься, коза? – подал голос голем, не считая нужным играть в вежливость. – А ну, пошла в машину! Пошла, я сказал!

– Не пугай девушку, – ухмыльнулся первый. – Она и так боится, дрожит вся. Боишься, да? Да? – немного наклонился он, так как стоял чуточку в стороне, и заглянул Насте в лицо.

– Пожалуйста… – дрогнул голосок у нее. – Отпустите меня…

Конечно, глупо просить, не отпустят. Но потянуть время, чтобы подумать… Извилины Насти в узел закрутились, панически ища выход, они и указали: только один путь открыт – он за твоей спиной, через пустырь. Ах, черт, Ласкин запретил под страхом смертной казни! Лучше казнь от отчима, чем от этих уродов. Настя почти незаметно отступала назад, поворачиваясь ко второму типу, чтобы каждое его движение было под контролем. Интуиция подсказала: уроды должны видеть ее ужас, слабость, покорность. Только не терять разума, не поддаваться панике.

– Я… да… хорошо… – захныкала Настя. – Ладно… вы подвезете… Только… родители будут ругать меня… когда увидят вас… Можно, я пойду?..

– Можно, – хихикнул первый. – Все можно. Но потом.

Угу? Мы тебе денег дадим кучу, ты столько в ручках не держала…

К этому моменту он переместился к сообщнику, очутившись немного впереди него, видимо, чернявый – главарь в этой банде. Переминаясь с ноги на ногу, Настя сдвинулась так, чтобы прямо перед ней стоял длинномордый говнюк.

Теперь эффект неожиданности! Она молниеносно, словно кобра во время броска, изо всех возможных сил толкнула чернявого в грудь. Он-таки не удержался на ногах, упал на голема, а Настя в то же время сбежала вниз.

Этот пустырь деревенские знали как свои пять пальцев, знала и она, а потому рискнула бежать по неровностям. Она примерно помнила, где опасные канавки, наугад перепрыгивала их, не ошибаясь.

Луна ей в помощь. Конечно, это слабая поддержка, пространство выглядело черной бездной, где бесследно пропасть – не проблема. И все же свет сверху приоткрывал Насте пустоты в земле. А те, кто гнался за ней, проваливались, но не отказывались от добычи, потому что на фоне черноты та же луна продавала девушку, обрисовывая силуэт беглянки.

Как надеялась Настя, что приставалы не пустятся вдогонку! Зря надеялась, отсюда вывод: надежда – самая бесполезная вещь на свете, а то и вовсе вредная. Преследователи полагали, девчонка скоро выдохнется, сзади слышались тяжелое дыхание и шуршание сухостоя. Жалко туфель, да пришлось расстаться с ними, как только поняла: бегут, гады.

Естественно Настя не остановилась, а выскользнула из новеньких туфелек, которые так нравились ей.

Тянуло оглянуться, но она не позволяла себе, это секунды, которые могут стать последними в ее короткой жизни. Пульс бился не только в груди, он отдавался в висках, во всем теле, перекрывал горло – волнение, желание бежать выше возможностей нагружало и без того переполненное страхом сердце. И вообще: всегда хуже тому, кто убегает. Силы заканчивались…

Когда поселок был уже близко, когда светящиеся окна вдали обнадежили спасением, сзади сильная рука цапнула за ворот пальто. Выскальзывая из него, Настя пронзительно закричала:

– Па-па!..

Крик взлетел ввысь, к самой луне, а может, и выше…

Поставив кейс на стол в кабинете, Павел сел на стул

Утро началось не радужно. Несколько дней не было ни плохих, ни хороших вестей от Феликса, что напрягало. С другой стороны, Терехов работал не только по убийству девицы с пустыря, ему выпало «счастье» вытаскивать из петли самоубийцу. Сомнений нет, это самоубийство, но ведь кто-то мог довести до последней черты еще нестарого человека, а хоть бы и старого? Обстоятельства, приведшие к суициду, следует тщательно расследовать и привлечь виновных, если будут основания. Кому-то все равно нужно этим заниматься, поручили Павлу – вот такие серые будни, как говорит Ольга. Он достал мобильник, намереваясь позвонить Феликсу, а тот неожиданно сам ворвался в кабинет:

– Паша, есть! Девчонка наша теперь с именем.

– Наконец-то! – не скрывал радости Павел, ибо девочка с пустыря намного интересней самоубийцы с петлей на шее. – Садись, рассказывай: кто она, как нашел… А ты уверен?

– Обижаешь, начальник. – Феликс уселся напротив, довольный собой, будто Нобелевскую премию получил. – Сегодня, пока ты бегал по паркам и завтракал, я встретился с ее квартирной хозяйкой, понял?

– Да ну! Давай по порядку.

– Училась Анжела… Убитую зовут Анжела. Училась она

в частном экономическом и одновременно юридическом институте, обучение платное, дипломы, разумеется, государственного образца… Вот объясни мне, Терехов, как это – государственного образца? Похожие внешне, что ли? Не кажется тебе, что это мошенничество?

– Ты отвлекся, Феликс.

– Я просто беру на заметку данный «образец», понимаешь ли. Идем дальше. Любопытный факт, Паша: наш Сорняк… то есть Жека Сорин приходил в институт, показывал фотку вахтеру, тот не узнал студентку. Ну, может, текучка кадров, может, он из новичков, вот и не запомнил. А в фойе стояла группа девчонок, Сорин показал им фотку. В принципе правильно сделал, институт-то маленький, студенты должны знать друг друга. Но эти змейки не узнали подружку! Представляешь? Подумали, что Анжела подрабатывает моделью, а Сорняк типа фотограф из агентства, ищет ее! Он их заблуждения не развеял, решил, это поможет. Вышло наоборот, змейки из зависти не признали подружку.

– Стоп, друг мой. Ты как дошел до таких выводов? Сам?

Действительно важно – сам Феликс додумался (тогда данный вывод не будет браться в расчет) или опрос свидетелей изобличил студенток, что может пригодиться в дальнейшем.

– Ты мне льстишь, – ухмыльнулся Феликс. – Я пошел по второму кругу, решил перепроверить точки Сорняка, он же совсем сопливый, только-только из учебки, от ошибок не застрахован. Так и пришел в институт экономики и права госу-

дарственного образца (съязвил). Фотку показывал не вахтерам, а преподам, те свою студентку сразу узнали, как-никак она второй год парится у них за партой. А вчера мы с Сорняком встретились с ее курсом, двух девчонок, которые якобы «никогда не видели Анжелу», Сорин опознал. Цирк был еще тот. Глупышки перепугались и переругались – кто больше врал, позже выложили, что солгали и почему. Видишь ли, они думали, что помешали Анжеле пролезть на подиум.

– Но почему подиум?!

– Из-за фотки. Я же выбрал самый художественный снимок, крупняком, Анжела там как топ-модель на обложке, просто красотка, которая спит! – В упоении Феликс поцеловал кончики своих пальцев. – Наш криминалист мастер фотосессий, не ту профессию выбрал. Короче, Сорняк им не сказал, что мы нашли подружку глубоко мертвую на пустыре, вот девочки и решили: подиум, журналы, слава, гонорары, а они все – мимо! Обидно!

– О чем современные девчонки мечтают! – вздохнул Павел. – Итак, зовут убитую Анжела. А фамилия?..

– Майер. Родители живут в соседней области, но не в областном центре, папа бизнесмен, мама на фортепьянах обучает юных музыкантов.

– И ни разу не позвонили дочери?

– На этот счет у меня нет сведений, – уже серьезно сказал опер, – но теперь добудем. Когда у человека есть имя, в современном информационном поле о нем можно узнать все.

Или почти все.

– Что квартирная хозяйка рассказала? У Анжелы были кавалеры?

– У, какой благородный лексикон у нашего нового следака – кавалеры! Про кавалеров она ничего не знает, но уверяет, что не ловила Анжелу за неприличностями, хотя регулярно навещала свою частную собственность из одной комнаты. Боялась: девчонка молодая, красивая, без родительского надзора, способна устроить в квартире бордель. Но Анжела оказалась не мажоркой из новостных программ, а прилежной девочкой, занималась учебой, спортом и рисованием, чистюля. Кстати, училась на отлично.

– Нет, а преподаватели института? Неужели им не пришло в голову выяснить, почему студентка не является на занятия?

– Да им по фиг, – отмахнулся Феликс. – Там учатся детишки богатеньких, чтобы получить корочку с вышкой, а не знания. Хотят – ходят, хотят – нет, лишь бы бабки платили вовремя.

– Прекрасно, – выходя из-за стола, хмуро сказал Павел. – Идем добывать ордер, пора делать обыск на квартире. Надеюсь, нам удастся выяснить и подпольную жизнь идеальной по всем статьям девочки. Неплохо бы парня отыскать, с которым у нее первый секс случился.

– У идеальных девочек бывает только любовь, а не голый секс, поэтому парня найти – плевое дело, с этим справится

даже Сорняк.

– Сначала хозяйку привезем на опознание, чтоб уж точно быть уверенными. Итак, план на сегодня: ордер, на квартире забираем хозяйку, морг, потом назад с хозяйкой на обыск…

– Паша, телефон!

– Слышу, – снимая трубку с аппарата, сказал Павел. – Да?

– Павел Игоревич, – это был охранник, – тут к вам свидетель рвется говорит, ему срочно надо к Терехову.

– Свидетель? Я никого не вызывал… А кто такой?

– Ласкин Владимир…

Павел не дал ему договорить, перебил:

– Давай ко мне его. Покажи, куда идти.

Он положил на аппарат трубку и махнул Феликсу, мол, падай на стул и жди. Тот развел руками – дескать, как скажешь, и отошел к противоположной стене, там стоял стул у выхода, на него и плюхнулся опер. А Павел вернулся за стол, почти сразу в дверную щель просунул голову Ласкин:

– Здрасьте. Мне это… можно, да?

– Заходите, заходите, – пригласил его Павел.

Ласкин вошел в кабинет и застопорился, удивленно поднял брови, когда следак привстал и протянул ему руку. Непривычно. Это, конечно, дело обычное – подать руку, так поступают вежливые и воспитанные люди, да где они сейчас? Вымерли. Украдкой вытерев ладонь о полу старого пиджака (наверняка единственного), Ласкин благодарно, вместе с тем с достоинством пожал руку вежливому следователю. После

сел на стул напротив Терехова, выпрямил спину и… молчал, тараща немигающие глаза, Павел напомнил ему:

– Мне сказали, у вас срочное дело, я слушаю.

– Вчера двое гадов напали на мою дочку, – произнес Ласкин.

– В какое время это было? – заинтересовался Павел.

– Время? Ну, а в какое время дерьмо из нор выползает? Ночью, конечно… вечером то есть. Поздним вечером… где-то ближе к одиннадцати.

– Можно подробней?

– Подробней? Можно…

После звонка Насти Ласкин засобирался, засуетился

Да что там ему собираться? Тельняшка на нем, штаны спортивные тоже, куртку с кепкой надел – и вперед. Но фонарик запропастился… Без фонарика по ночным улицам никак нельзя, деревня все же, шею свернуть – как нечего делать. И потом фонарик нужен для Насти, это сигнал, что он встречает ее. Поиски привели в комнату с телевизором, перед которым сидела Роза.

– Ты охренела? – сверкая гневом в крошечных глазах, психанул Ласкин. – У нее дочка в опасном положении, а она расселась тут в креслах и кино смотрит! Где фонарик?.. Я кого спрашиваю? Фонарик где, зараза такая?

– На кухне посмотри, – вяло бросила Роза. – Вчера брала, что, нельзя? Свет погас, вот и взяла. Хм, фонарика ему жалко.

– Жалко! – огрызнулся Ласкин. – Потому что на место не ложишь! Сколько раз говорил: берешь – положь на место! Вот сейчас нужен, где он?

– На шкафу глянь, кажется, туда поставила.

Фонарик там и нашел. Ласкин схватил его, проверил – горит ли, чтобы не подвел, и поторопился за курткой, но, надевая ее, вернулся к Розе, потребовав:

– Поднимай задницу! Со мной пойдешь Настю встречать.

На слух Роза уловила нечто новое в муже, который в течение совместной жизни неизменно находился в стабильной пассивности, расшевелить его – легче мертвого из гроба поднять. Она повернулась к Ласкину всем корпусом, в удивлении подняв брови и взявшись за подлокотники, словно готовилась вскочить, бежать за ним на край света. Не вскочила и не побежала, Роза живет в уверенности, что все плохое уже случилось, хуже не будет, она лишь настороженно протарахтела без обычного припадочного крика:

– Не пойду. Учить надо нашу Настьку, что нервы трепать родителям нельзя! А то распустилась: когда хочет, тогда домой и приходит. Пока замуж не вышла, дома в девять обязана быть.

– Сказал бы я тебе… – Ласкин в сердцах махнул рукой, ибо взаимопонимания между ними как не было, так и нет, да пошел к выходу. Однако последнее слово выкрикнул, выходя из дома, и жена услышала: – Дура!

А ночь дышала холодом, но так всегда бывает, когда из комфортного тепла сразу на улицу выскакиваешь, не лето же. Ласкин подумал, зря он не остограмился перед походом, теплее было бы, впрочем, в некоторой степени его грела злость. Ух и зол был он на жену Розу. Шагал Ласкин по темным улочкам, ежась от холода, шагал и ругался вслух, жаль, женушка не слышала:

– Вот поганка мухоморная! Допросишься, я тебе начищу… Будешь у меня бегать по крышам, как кошка драная, ты

у меня без диет похудеешь. Люди женятся по залету из благородных позывов, а меня угораздило из жалости! Я тя приютил, прописку дал, зарплату отдавал… почти всю! А ты…

Так было до тех пор, пока не очутился перед двумя дорогами, одна вела к городской окраине, вторая – к пустырю. Отчего-то у Ласкина защемило внутри, сердце словно сжала невидимая рука, а ведь мотор никогда не беспокоил.

– Не-ет, – протянул Ласкин, подумав, что Настя не мама-дура, через пустырь не потащится. – Про бомжей вспомнит, они там ночуют иногда, правда, летом. А вдруг… Нет, ну, я же сказал ей!

Ласкин двинул к городской окраине, дорога предстояла длинная: сначала вдоль поселка, потом вдоль складских ангаров в отдалении, потом она поворачивает и тянется вдоль частного сектора. Не сделал и десяти шагов, как споткнулся о выступ, чуть не растянувшись на дороге. Матюгнувшись, Ласкин посветил фонариком, из земли торчала большая сланцевая пластина толщиной аж в три пальца. Ласкин нагнулся и попробовал вытащить, чтобы отбросить в сторону, а то будет идти старуха какая и убьется на хрен. Пластина прочно сидела в земле, он решил днем прийти с инструментом, стал выпрямляться и вдруг заметил приличный кусок арматуры. Такое добро и валяется?

Ласкин поднял прут – ровненький, прочный, витой, тяжеленький… И вдруг сам от себя не ожидал: он развернулся и быстро зашагал в сторону пустыря. Ну, сопротивлялась ду-

ша, на ногах висла, не пускала его по дороге, по которой велел идти Насте. Теперь он матом крыл не Розу, сегодня виноватую во всех смертных грехах, но и дорогу, а главное – себя, ибо только идиоты меняют маршрут…

– Па-па! – долетел до его ушей пронзительный вопль.

Это был голос Насти! Голос отчаяния и ужаса, отчего мороз пробежал по спине. Ласкин рванул на крик, бежал он, пожалуй, быстрее собственных возможностей, не чуя под собой ног, которые частенько крутили на погоду. Одна мысль била в лоб, отчего, казалось, он разламывается на части: успеть бы! Вот и фонарь, как пограничный столб между поселком и пустырем. Стоя в тусклом световом пятне, чтобы его было видно издалека, Ласкин заорал во все горло хрипло и надрывно, размахивая лучом фонарика:

– Настя!.. Я здеся-а! Настя!.. Отзовись!..

Прислушался… Тишина чертовая! Как такое может быть? Отсюда он слышал крик Насти, она где-то недалеко. Ласкин еще позвал ее, бегая из стороны в сторону, но в световом пятне, чтоб она видела его и хотя бы подала знак… Ему ответила тупая тишина, в которой вообще нет звуков! Как будто все люди разом передохли вместе с кошками, собаками и тараканами. Ласкин не знал, куда податься. А правда, куда бежать? Пустырь вот – перед ним, но такой огромный, чуть ошибешься и – не станет Насти, как той девчонки.

– Что же делать, а? – осматривая темноту, пробормотал едва слышно Ласкин. – Да где ж ты, зараза такая…

В какой-то момент, когда он окончательно отчаялся, потеряв надежду, прямо перед ним темнота раздвинулась, как ему почудилось, и Настя выбежала оттуда босая, без пальто, а на дворе не лето. Главное, живая! На этом разбор внешнего вида падчерицы пришлось закончить, так как за ней из той же темноты выпрыгнули два молодчика.

– Папочка! – кинулась к нему Настя, ковыляя и едва не падая.

Из последних сил она добежала до Ласкина и буквально повисла на нем, не дышала, а хрипела, смеялась и плакала одновременно. Теперь она знала: он защитит, спасет, заступится, оттого радость и рвалась, несмотря на опасность. Не ускользнуло от Ласкина и то, что Настя очень напугана, измотана – тут понятно: она убегала по пустырю. Однако не время утешать ее, ибо напротив шагах в двадцати стояли, тоже надрывно дыша, две сволочи, которые гнались за девчонкой – это ж как дважды два. И гнались с самыми плохими намерениями. Устали, гаденыши. Ласкин отодвинул Настю себе за спину, приказав:

– Уходи. Домой беги. А я с ними потолкую культурно. – Он не выпускал их из поля зрения, для начала заговорил мирно: – Мужики, че надо? Зачем девчонку напугали?

– Они… хотели в машину… меня затолкать, – подала обрывисто голос Настя за его спиной. – Гнались… потом… потом…

– Я сказал, домой! – не оборачиваясь, шикнул Ласкин.

– Бросить тебя с этими?.. Н-нет.

Спорить с ней было некогда, тут ситуацию надо разрулить, ведь подонки настроены агрессивно и не собирались отступать. Точнее, отдышавшись, они стали подступать к ним – медленно, вальяжно (особенно длинномордый), чувствуя свое превосходство по всем статьям. А сила-то на их стороне, куда там тощему Ласкину справиться с откормленными жлобами!

– Настька, пошла прочь! – бросил он через плечо.

– Не уйду, не уйду, – упрямо заявила та, а сама дрожала, как лист на осенней ветке от ветра.

– Беги, дура, на помощь позови! – процедил сквозь зубы он.

– Пока буду бегать за помощью, они убьют тебя. Нет!

Упрямства ей не занимать, характером вся в мамашу, так ведь родня. Однако на спор времени больше не осталось, поскольку ублюдки подошли слишком близко, Ласкину пришлось отступать. Настя отступала вместе с ним, держась за его куртку и выглядывая из-за плеча отчима, а тот все еще мирным, но и напряженным тоном, попытался свести ситуацию к нулю:

– Мужики, пошутили, и будет. Идите своей дорогой, а мы…

– Ты и пойдешь своей дорогой, – промурлыкал чернявый и длинномордый, сладко улыбаясь.

– Девку оставь, а сам дуй на всех копытах, пока хребет

тебе не сломали, – вступил в диалог второй. – Мы что, зря скакунами тут прыгали? Пошел отсюда, чмо недобитое!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.